

От автора бестселлера THE ONE,
лауреата премии INTERNATIONAL THRILLER
WRITERS AWARD 2021.

КОГДА ТЫ ИСЧЕЗ

Она жаждала правды.
Пришло время пожалеть
об этом...

ДЖОН МАРРС

Альфа-триллер

Джон Маррс
Когда ты исчез

«ЭКСМО»

2014, 2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Маррс Д.

Когда ты исчез / Д. Маррс — «Эксмо», 2014, 2017 — (Альфа-триллер)

ISBN 978-5-04-181625-4

От автора бестселлера «THE ONE. ЕДИНСТВЕННЫЙ», лауреата премии International Thriller Writers Award 2021. Она жаждала правды. Пришло время пожалеть об этом... Однажды утром Кэтрин обнаружила, что ее муж Саймон исчез. Дома остались все вещи, деньги и документы. Но он не мог просто взять и уйти. Не мог бросить ее и детей. Значит, он в беде... И все же это не так. Саймон действительно взял и ушел. Он знает, что сделал и почему покинул дом. Ему известна страшная тайна их брака, которая может уничтожить Кэтрин. Все, чем она представляет себе их совместную жизнь — ложь. Пока Кэтрин учится существовать в новой жуткой реальности, где мужа больше нет, Саймон бежит от ужасного откровения. Но вечно бежать невозможно. Поэтому четверть века спустя он вновь объявляется на пороге. Кэтрин наконец узнает правду... Так начиналась мировая слава Маррса... Дебютный роман культового классика современного британского триллера. Здесь мы уже видим писателя, способного умело раскрутить прямо в самом сердце обыденности остросюжетную психологическую драму, уникальную по густоте эмоций, по уровню саспенса и тревожности.

«Куча моментов, когда просто отвисает челюсть. Берясь за эту книгу, приготовьтесь к шоку!» — Cleopatra Loves Books «Необыкновенно впечатляющий дебют. Одна из тех книг, что остаются с тобой надолго». — Online Book Club «Стильное и изящное повествование; автор нашел очень изощренный способ поведать историю жизни». — littleebookreviews.com «Ищете книгу, бросающую в дрожь? Если наткнулись на эту, ваш поиск закончен». — TV Extra

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-181625-4

© Маррс Д., 2014, 2017

© Эксмо, 2014, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джон Маррс

Когда ты исчез

*Есть вещи, которых можно достичь, только намеренно кинувшись
в противоположном направлении.*

Франц Кафка

*Жизнь всегда ждет, когда наступит какой-то кризис, чтобы
заиграть всеми красками.*

Паоло Коэльо

John Marrs

WHEN YOU DISAPPEARED

Text copyright © 2014, 2017 by John Marrs. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing,
www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Парахневич Е.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Нортхэмптон, наши дни

8:20

«Мерседес» на толстых шинах подкатил к тротуару почти бесшумно.

На заднем сиденье нервно ерзал пассажир, постукивая по губе пальцем и искоса глядя на коттедж.

– С вас двадцать два фунта, – буркнул водитель на одном из местных диалектов.

Понять бы, на каком... Пассажиру уже порядочное время не доводилось слышать британскую речь – разве что от комментаторов на спортивном канале, который ловила у него дома спутниковая антенна.

Фунты лежали в бумажнике из оленьей кожи вперемешку с евро.

– Сдачу оставьте себе, – сказал пассажир, протянув водителю две купюры: в десять фунтов и в двадцать.

Тот что-то ответил, но пассажир не слушал. Он открыл дверцу, аккуратно поставил обе ноги на тротуар. Встал, осторожно держась за край рамы, закрыл за собой дверцу и отошел, разглаживая складки сшитого на заказ костюма. Автомобиль тем временем бесшумно исчез вдали.

Шли минуты, но мужчина стоял на месте. Зачарованный видом белого коттеджа, он тонул в давно забытых воспоминаниях.

Их первый, их единственный общий дом. Семейное гнездо. Дом, где жила семья, от которой он отказался двадцать пять лет назад.

Розовых кустов, высаженных под кухонным окном, больше не было, но в воздухе на мгновение пахло их сладким ароматом. Там, где когда-то стояла песочница, которую он сделал для детей своими руками, теперь возвышался сарай, увитый бело-зеленым плющом.

Дверь коттеджа вдруг распахнулась, и на крыльцо вышла молодая женщина. Мужчина вздрогнул. Он не ожидал, что в доме живут другие люди.

– До вечера! – крикнула женщина кому-то внутри и закрыла за собой дверь.

Она перекинула ремешок сумочки через плечо и зашагала. Проходя мимо незнакомца, приветливо улыбнулась.

Нет, это не хозяйка – на вид ей не больше тридцати... Может, дочь?

Мужчина ответил женщине вежливой улыбкой и проводил ее взглядом, пока та не скрылась из виду.

По спине у него побежали мурашки.

Джеймс говорил, Кэтрин живет в том же доме, что и прежде, но с тех пор прошло уже больше года; возможно, все переменялось... Впрочем, узнать наверняка можно только одним способом.

Чтобы унять в груди дрожь, мужчина сделал глубокий вдох и, не выпуская воздух, дошел до крыльца. Там он поднял голову и посмотрел на окно их бывшей спальни.

«Вот здесь ты меня и убила», – подумал он, закрыл глаза и постучал.

Глава 1

КЭТРИН

Нортхэмптон, двадцать пять лет назад

4 июня, 6:00

– Саймон, скажи своей собаке, пусть меня не трогает, – буркнула я, отмахиваясь от слюнявого языка, норовившего залезть мне в ухо.

Если б только меня кто послушал... Я отпихнула шерстяную башку Оскара. Пес демонстративно шлепнулся задом на пол и принялся скулить, пока я не сдалась. Саймон всегда спал как убитый: его не разбудил бы, наверное, даже ядерный взрыв, не говоря уж о такой мелочи, как дети, шумно скачущие по кровати и требующие завтрак. Мне бы его таланты... Когда в доме трое карапузов и прожорливая псина, о том, чтобы поваляться в постели, приходится только мечтать.

В желудке у Оскара словно тикал будильник, который поднимал его каждый день ровно в шесть утра. Саймон выгуливал пса, играл с ним в мячик, но кормежка, по мнению собаки, была сугубо моей обязанностью.

Я хотела перекатиться под бочок мужу, однако его половина постели оказалась пуста.

– Ой, ну да, конечно, все сама, – буркнула я, проклиная Саймона, которому опять вздумалось отправиться на пробежку в несветную рань.

Я выбралась из постели, накинула халат и прошаркала в коридор, украдкой приоткрыв двери соседних комнат, проверить, спят ли дети.

К последней спальне, впрочем, подойти опять не отважилась.

«Потом, – пообещала я себе. – В следующий раз».

Спустилась на кухню, вывалила в миску Оскара вонючие консервы, которые тот всегда проглатывал одним махом. Поставила миску на пол, но пес куда-то запропастился.

– Оскар? – шепотом позвала я, чтобы не разбудить детей раньше времени. – Оскар!

Пес нашелся в прихожей; он нетерпеливо топтался у входной двери. Я открыла ее – пусть сбегает пописать, – но Оскар даже не шелохнулся, только взволнованно уставился в сторону леса у дороги.

– Как хочешь, – вздохнула я.

Разозлившись, что меня разбудили понапрасну, я вернулась в постель, надеясь урвать еще часик драгоценного сна.

7:45

– Не трогай брата, лучше помоги накормить Эмили, – велела я Джеймсу.

Тот с ревом погнался за Робби вокруг кухонного стола, пытаясь отобрать у него пластиковую фигурку динозавра. Пришлось сказать уже громче:

– Живо!

Оба знали, что, когда я говорю таким тоном, лучше угомониться.

Тащить детей из спальни в ванную – все равно что загонять цыплят в курятник: то еще испытание для нервов. Некоторые мамы из школы уверяли, что в мире нет ничего приятнее веселых семейных завтраков. Я же каждый день не могла дождаться минуты, когда наконец спроважу своих бандитов в школу и в доме воцарится покой.

Джеймс налил младшей сестре молока с хлопьями; я тем временем упаковала в коробки бутерброды, обрезав с них корочки. Потом соорудила для Саймона сэндвич с овощным соусом, причем нарезала хлеб не поперек, а вдоль, как он любит, замотала в пленку и положила на полку в холодильнике.

– У вас пятнадцать минут, – предупредила я детей, запихивая коробки с ланчем в школьные рюкзаки.

Я давно поняла, что нет смысла наводить марафет лишь затем, чтобы отвезти детей в школу, но все равно, не желая выглядеть пугалом, собрала волосы в хвост и придиричивоглянула на себя в зеркало. Оскар взвизгнул – я наступила ему на лапу, не заметив, что он попрежнему сидит на коврик в прихожей.

– Ты что, заболел, малыш?..

Я наклонилась почесать ему бородатый подбородок.

Подожду до обеда – может, повеселеет; но если нет, на всякий случай позвоню ветеринару.

9:30

Отправив Джеймса и Робби в школу и усадив Эмили играть на диване, я принялась гладить Саймону рубашки, подпевая радио, как вдруг зазвонил телефон.

– Саймона нет, – ответила я Стивену, когда тот попросил позвать моего мужа. – Разве он не на работе? Он взял с собой чистые вещи и отправился в офис сразу после пробежки...

– Нет, этот паршивец где-то шляется все утро! – рявкнул Стивен, как всегда не стесняясь в выражениях. – Я уже полчаса пытаюсь убедить клиента, что мы не хуже крупных компаний. Но как это сделать, если мой партнер не соизволил явиться на встречу?

– Может, забыл? Ты знаешь, с ним такое бывает.

– Как увидишь его, скажи, пусть немедленно едет в «Хилтон».

– Хорошо. Но если увидишь его первым, пусть позвонит мне, ладно?

Стивен что-то буркнул и повесил трубку, даже не попрощавшись.

Да уж, Саймону не позавидуешь; кажется, по возвращении его ждет взбучка.

11:30

Отутюжив семнадцать мужских и детских рубашек и выпив две чашки кофе, я вдруг поняла, что Саймон так и не позвонил.

Может, мы со Стивеном ошиблись, и он отправился не на пробежку, а на собственную встречу? Я заглянула в гараж, однако «Вольво» стоял на месте. В гостиной на крышке проигрывателя, прямо под фотографиями с десятой годовщины нашей свадьбы, лежали его ключи от дома.

Прошел еще час, и меня начали обуревать сомнения. Впервые за почти двадцать лет я не чувствовала Саймона рядом. Где бы он ни находился, какое бы расстояние нас ни разделяло, он всегда незримо присутствовал возле меня.

Я трянула головой, чтобы выбросить лишние мысли, и отругала себя за глупость. Наверное, перепила кофе. Все, даю слово: отныне никакого кофеина.

Убрала кофейник в шкаф и со вздохом уставилась на поджидавшую меня гору посуды.

13:00

После звонка Стивена прошло больше трех часов. Я начинала нервничать.

Позвонила в офис, и когда Стивен признался, что Саймона до сих пор не было, невольно ударились в панику.

В голову полезли нехорошие мысли: вдруг он на пробежке угодил под машину и валяется теперь где-то на обочине?

Я усадила Эмили в коляску, из которой та успела вырасти – потому что так было проще, чем тащить ее пешком, – надела Оскару поводок и рванула на поиски мужа. Первым делом спросила в газетном киоске, не подходил ли к ним сегодня Саймон. Его там не видели. Соседи, даже миссис Дженкинс, вечно подглядывающая из-за штор, тоже развели руками.

Мы прошли по его обычному маршруту под видом игры: я объявила Эмили, что мы охотимся на снэггл-уигглов – мифических созданий, которых Саймон придумал, чтобы дети не боялись темноты. Я сказала, что они прячутся в мокрых грязных канавах, поэтому мы должны обыскать каждую.

Мы обошли полгорода, но ничего не обнаружили, затем повернули к Саймону на работу. Стивен уже не сердился, отчего напугал меня еще сильнее. Значит, он и сам подозревает неладное. Стивен пытался успокоить меня, заверяя, что все будет хорошо и мой муж, скорее всего, отправился на выезд. Однако, судя по расписанию, никаких других встреч у него сегодня не предвиделось.

– Вот увидишь – под вечер завалится домой пьяный как сапожник, потому что весь день пробухал в баре, и мы потом будем над ним смеяться, – добавил Стивен.

Однако легче от его слов не стало – ведь никаких веских доказательств у нас не было.

По дороге домой мы с Эмили свернули на тропу возле Харпол-Вудс, где иногда бегал Саймон. Я старалась не показывать дочери волнения, но когда она бросила на грязную дорожку Флопси – потертого игрушечного кролика, которого он ей купил, – то не удержалась и накричала на нее. Дочка зарыдала, до самого дома не желая слушать извинений.

Даже Оскару – и тому надоело гулять, и он бессильно плелся сзади.

Странное я, должно быть, представляла собой зрелище – взмыленная мамаша в одной руке тащит ревущего ребенка, второй волочит на поводке измученную собаку, пихает впереди коляску и под каждой корягой высматривает труп своего мужа...

17:50

«Шесть часов, – твердила я себе. В шесть часов все будет хорошо, потому что в это время он всегда возвращается домой».

Саймон очень любил проводить вечера дома: он помогал купать детей, укладывал их в кровать и читал им на ночь сказки про мистера Щекотку и мистера Бабаха¹. Дети в силу возраста не чувствовали между нами тоски и напряжения. Я давно смирилась с тем, что как раньше, скорее всего, не будет.

Днем я забрала Робби с Джеймсом из школы. Принялась жарить рыбу в панировке и накрывать на стол, Джеймс болтал, рассказывал про своего приятеля Никки и его машинки из конструктора, но я не слушала. Каждую минуту глядела на настенные часы.

Когда пробило шесть, я чуть не расплакалась. Бросила еду прямо на плите и уставилась в окно, в сад.

Мы любили проводить там вечера: наливали себе красного вина и пытались наслаждаться жизнью. Обсуждали детские шалости, работу; мечтали о том, как однажды заработаем много денег и купим виллу в Италии, будем уезжать туда каждый год на каникулы. В общем, говорили о чем угодно, лишь бы не обсуждать то, что случилось в прошлом году, поставив под удар наши отношения.

Я торопливо уложила детей спать, объявив им, что папа просил извиниться: он задерживается на работе и вернется очень поздно.

– А почему он без бумажника? – спросил вдруг Джеймс, когда я подтыкала ему одеяло. Я замолчала.

– Папин бумажник лежит на полке. У двери, – добавил тот.

Наверное, есть какая-то разумная причина, по которой Саймон ушел из дома без бумажника. Однако достойных объяснений я придумать не смогла.

– По глупости, видимо, забыл...

¹ Двое из целого ряда «веселых человечков», созданных знаменитым британским детским писателем и художником Р. Харгривзом в рамках серии «Mr. Men».

– А-а, ясно, – пробормотал Джеймс, укутываясь в одеяло.

Я ринулась вниз проверить, не выдумывает ли он. Сколько раз сегодня я прошла мимо той полки – раз сто, наверное?

Саймон всегда брал с собой бумажник, даже если выходил из дома на пробежку.

Именно в эту секунду я поняла, что случилась беда. Страшная, непоправимая беда.

Я принялась обзванивать его друзей – узнать, не заходил ли он к ним в гости. Опять услышала в их голосах жалость, пусть даже прикрытую искренней заботой. Потом нашла в телефонном справочнике номера городских больниц и стала по очереди обзванивать, спрашивая, не поступал ли к ним пациент его возраста. Страшно было даже представить, что Саймон мог весь день проваляться на больничной койке неопознанным.

Я тревожно постукивала колпачком ручки по бедру, пока регистраторши без толку рылись в своих записях. На всякий случай, если его вдруг привезут позднее и без сознания, я оставила приметы.

Оставалось только одно – позвонить отцу Саймона и его мачехе, Ширли. Когда оказалось, что там он тоже не появлялся, пришлось выдумать своему звонку объяснение – мол, он собирался к ним сегодня заглянуть, но, наверное, перепутал дни. Мне, конечно, не поверили. Саймон не был рассеянным – по крайней мере, когда дело касалось его родителей.

Я пришла в такое отчаяние, что была готова позвонить даже человеку, чье имя поклялась больше не вспоминать. Хотя в нашем доме о нем не говорили больше трех лет, и вряд ли я сумела бы найти его контакты...

Телефон вдруг шумно зазвенел. Я ударилась локтем о шкаф, ругнулась, схватила трубку и разочарованно выдохнула, услышав голос жены Стивена, Байшали.

– Может, тебе чем-нибудь помочь? Давай я приеду? – спросила та.

Я отказалась, и она пообещала позвонить позднее.

Мне не нужны были подружки, мне был нужен муж. В голове било набатом: Саймон пропал на весь день, и никто не знает, где он. Я злилась на саму себя – что не объявила тревогу раньше.

Плохая все-таки из меня жена... Не знаю даже, как теперь буду извиняться перед Саймоном.

21:00

Вскоре после моего звонка приехали Роджер и Пола – и именно в тот момент я окончательно сломалась.

Когда дверь открылась, они увидели, что я стою на пороге и заливаюсь слезами. Пола обняла меня и повела обратно в гостиную, где я просидела почти весь вечер у телефона. Роджер знал Саймона еще со школы, однако сейчас приехал не как друг, а как служащий полиции.

Правда, Пола не дала ему вставить и слова, взяв организацию допроса в свои руки.

– Ладно, давай начнем с самого начала. Подумаем, где этот придурок может шлаться весь день, – заявила она. – Уж я-то ему устрою, когда найду!

Мы перебрали все возможные варианты: куда он мог пойти и с кем. И ни к чему не пришли. Судя по всему, Саймон растворился в воздухе.

Страшно было даже думать об этом, а от разговоров и вовсе бросало в дрожь. С каждой минутой становилось только страшнее. По стандартам полиции, нам предстояло выждать целых двадцать четыре часа, прежде чем подавать заявление о пропаже. Правда, Роджер был готов нарушить протокол и сам позвонил в участок.

– Господи, Пола, что с ним могло случиться? – дрожащим голосом спросила я.

Она не знала, что ответить, поэтому сделала единственное, ради чего нужны друзья: сказала то, что я хотела услышать.

– Он найдется, Кэтрин; правда, найдется, – шепотом пообещала Пола и крепко меня обняла.

Я словно попала в кошмар – такое могло случиться с кем угодно, только не со мной. Не с моими близкими и не с моим мужем.

САЙМОН

Нортхэмптон, двадцать пять лет назад

4 июня, 5:30

Я перекатился на бок и посмотрел на жемчужно-белый циферблат будильника, стоявшего на тумбочке. Полшестого утра. Как обычно. За последние пятнадцать месяцев я уже позабыл, что такое крепкий сон.

Наши спины разделяли сущие сантиметры, и я чувствовал, как с каждым вздохом во сне изгибается позвоночник Кэтрин. Я отодвинулся. Принялся наблюдать, как в спальню сквозь щель в занавесках пробирается тусклый кремово-рыжий луч.

Откинул простыню, посмотрел на солнце, встававшее над кукурузным полем, чтобы залить светом наш унылый дом. Натянул висевшую на стуле одежду, открыл шкаф, стараясь не скрипеть петлями и не разбудить жену.

Нащупал часы, которые почти всю жизнь пролежали на полке в зеленой коробке. Надел их на запястье. Ремешок щипался, выдергивая волоски. Коробку оставил на месте.

Осторожно прошел по комнате и бесшумно закрыл за собой дверь. В коридоре остановился у всегда запертой спальни. Взялся за ручку, начал ее открывать. Но замер.

Не могу. Не надо. Незачем возвращаться в тот день.

Лестница застонала под моими ногами, вспугнув дремавшего пса. Оскар распахнул янтарные глаза и поплелся ко мне, спросонья едва перебирая лапами.

– Прости, приятель, не сегодня.

Обойдемся без обычной прогулки.

Оскар обиженно повесил голову, тяжело вздохнул и вернулся на свою лежанку, раздраженно спрятав голову под одеяло.

Я отпер входную дверь и осторожно закрыл ее за собой. Чтобы не хрустеть гравием, прошел по лужайке, открыл ржавую металлическую калитку и вышел. Не погладил напоследок детей по голове, не поцеловал украдкой жену в лоб, не оглянулся на дом, который мы построили вместе.

Я должен был двигаться вперед.

Они еще спали – а я уже проснулся.

А когда проснутся и они, в доме окажется на одну измученную душу меньше.

6:10

Дом за моей спиной остался в прошлом, когда я дошел до проселочной дороги, которая должна была привести меня в Харпол-Вудс.

В голове царил пустота; ноги сами несли меня куда надо. Вели сквозь заросли конского каштана, через колючий папоротник, норовивший порвать джинсы, прямоком во чрево леса: туда, где годами, как отметина на земле, лежала выпцветшая голубая веревка. Когда-то здесь был пруд, а веревка висела на дереве, чтобы местная ребятня качалась над водой. Вода давно испарилась, и веревка оказалась не нужна.

Я поднял ее с земли и подергал на пробу. Вербка, несмотря на возраст, была крепкой. В отличие от меня.

Я сел на срубленный дубовый ствол и принялся высматривать ветку покрепче.

7:15

Не припомню, когда последний раз было так тихо.

Прошло всего два часа, как я вырвался из привычного хаоса. Не визжали вокруг дети, путаясь под ногами. Не орало с подоконника радио. Не гремела барабаном стиральная машина в очередном бесконечном цикле. Ничто не отвлекало меня от мыслей – только вдалеке чуть слышно гудели автомобили.

После всех ударов и пинков, что получил от судьбы, я просто не мог вернуться домой.

Ковыряя пучок мха, растущего из влажной коры, я вспомнил день, когда жизнь стала вконец невыносимой. Я стоял в ванной, а из спальни неслись отголоски плача. Кэтрин рыдала все громче и громче; ее всхлипы ввинчивались мне под кожу и по венам заползали прямоком в голову. Я зажал уши вспотевшими ладонями, чтобы унять шум, и слышал лишь биение моего несчастного сердца – глухое, презренное тиканье внутри бездушной туши.

А потом меня накрыло с такой силой, что я упал. Выход есть! Я могу избавиться от мучений – если признаю, что моя жизнь закончена, и совершу самоубийство.

Пульсация в голове стала тише.

Если я прошу Кэтрин, или она простит меня, или мы заключим фаустовский договор забыть обо всем, что встало между нами, – это ничего не изменит. Поздно. Содеянного не исправить. Камни брошены, они разбили стеклянные стены дома, и осколки теперь грудой валяются вокруг нас. В душе я давно мертв – осталось довести дело до конца.

Я протяжно выдохнул, только сейчас сообразив, что все это время не дышал, и вышел из ванной. Многим мое решение показалось бы, наверное, радикальным, но у отчаявшихся просто нет другого выбора. Я все-таки мог взять ситуацию в свои руки – пусть даже определяя, как положить своей жизни конец. Теперь, когда я понял, что отныне моя единственная цель в том, чтобы распланировать свою смерть, с плеч упал тяжелейший груз.

Я плакал не меньше Кэтрин – только внутри себя и по другим причинам. Я оплакивал все, что она с нами сотворила; плакал о будущем, которое мы должны были прожить вместе, и о прошлом, которое она усердно старалась стереть. Мы долгое время плакали вместе и врозь, скорбя о наших потерях. Теперь ей предстояло плакать одной.

Следующие несколько месяцев я носил маску заботливого мужа, прекрасного отца и верного друга. Однако в глубине души вынашивал мысли о своей предстоящей кончине. Подыскивал подходящий момент, место, способ. Обдумывал все варианты: от гаража с выхлопными газами до получения разрешения на дробовик; от прыжка с моста на автостраду до прыжка с привязанным к ногам грузом в канал Блисворт.

Однако ради детей прежде всего следовало позаботиться о Кэтрин – удостовериться, что она зализала раны и выдержит дальнейшую дорогу одна, даже когда в парусах стихнет ветер. Я взял на себя заботы о семье, пока моя жена телом и душой не пошла на поправку.

По мере того как она расцветала, самому мне становилось хуже.

Трудно, конечно, подобрать подходящий момент, чтобы огоршить жену известием о самоубийстве мужа, но Кэтрин даже в худшие минуты жизни была сильнее меня. В конце концов она воскреснет из моего пепла и сумеет достойно, в меру своих возможностей, взрастить детей. Пусть сама решает, что рассказывать им о моей смерти. Пока они были слишком юны и не могли разглядеть истинную природу своего отца, увидеть все его недостатки. Хотелось бы, чтобы так оно осталось и в будущем...

Наконец я выбрал способ и место, которое знал как свои пять пальцев. Место, где была спрятана одна из моих страшнейших тайн, – лес неподалеку от нашего дома.

План был прост. Залезть на дерево, привязать к ветке четырехметровую веревку и надеть на шею петлю. А потом прыгнуть, молясь про себя, чтобы в рывке сломалась шея, ускоряя неизбежный конец. Не хотелось бы долго биться в петле, теряя жизнь по капле.

Вот что мне предстояло. Вот что я задумал. Вот ради чего много раз уходил в лес.

Но теперь, когда я окончательно решился, дело застопорилось. Просто не хватало сил. Уже пятая попытка за две недели кончалась тем, что я вставал лицом к дереву, сжимая в кулаке веревку, однако не осмеливался сделать последний, роковой шаг. И всякий раз возвращался к Кэтрин еще более разбитым, чем уходил.

Сегодня получилось так же.

Я не боялся смерти – во всем мире не осталось ничего, что могло бы меня испугать. Я не мучился угрызениями совести за то, что бросаю детей, – на самом деле я давно от них отказался, только никто этого не заметил.

Меня терзал один-единственный страх – я не знал, что будет там, за пределами жизни. Надеялся на вечное забвение чистилища, однако был риск, что там окажется то же самое, только с серой и пламенем. Хотелось избавиться от страданий, а не усугубить их во сто крат.

Как узнать наверняка, что ждет меня за гранью? Под рукой не было ни готовых инструкций, ни мудрого советчика, который гарантировал бы, что я не прыгну напрямик в адский котел. Предстояло идти напропалую, и я боялся.

А вдруг это не единственный возможный выход?

– Что, если просто взять и уйти?

Голос прозвучал до того неожиданно, что, казалось, говорит кто-то за спиной.

Я оглянулся. Лес вокруг был пуст.

– Не обязательно умирать в прямом смысле этого слова, – продолжил голос почти нараспев. – Можно стереть последние тридцать три года жизни и навсегда исчезнуть.

Я медленно кивнул.

– Ты больше не сможешь быть с теми, кого знаешь. Нельзя будет о них переживать, общаться с ними. Пусть Кэтрин решит, что ты пал жертвой несчастного случая. Погорюет, потом смирится с потерей и начнет жить дальше. В конце концов, так будет лучше для всех.

Странно, почему такая гениальная идея не пришла мне в голову раньше. Впрочем, когда тонешь в депрессии и в какой-то момент нащупываешь путь к спасению, выбирать не приходится.

– Что мешает уйти прямо сейчас? Ты и без того потерял слишком много времени.

«Да, верно», – подумал я.

Шепотом попрощался с близкими мне людьми, выдохнув, словно пух одуванчика, их имена, кроме одного, самого последнего. Затем глубоко вздохнул, разжал кулаки и встал со ствола с новым чувством надежды в душе.

Я положил веревку на ее законное место и покинул лес человеком, которого более не существовало.

13:15

Удивительно даже, как далеко можно уйти, когда идешь без цели. Не выбирая пути, не следуя внутреннему компасу. Я просто шагал вперед.

Шел за ярким шаром в небе через поля и пастбища, мимо городских кварталов и крошечных деревушек, минуя автострады. Прошел мимо таблички «ВЫ ПОКИДАЕТЕ НОРТХЭМП-ТОНШИР. СПАСИБО ЗА ВИЗИТ» и улыбнулся. Все это время я был не более чем гостем. Настала пора уходить.

Преисполнившись оптимизма, я осознал, что всегда был слишком погружен в себя, отчего не воспринимал окружающий мир и не ценил его. Я никогда не радовался таким обыденным действиям, как собирать малину с придорожных кустов, поедать яблоки из чужого сада или пить свежую воду из ручья.

Современная жизнь совершенно не похожа на романы Марка Твена, которыми я зачитывался в детстве. Малина, пропитанная выхлопными газами, скрипела на зубах, от кислых яблок сводило рот, а вода без примесей фтора из водопроводных труб была гадкой на вкус.

Впрочем, это меня не заботило. Новая жизнь только начиналась, мне предстояло заново учиться ей, понимать мир и радоваться. Отступать и двигаться вперед. Мне некуда было идти, но передо мной открылись все дороги.

Я начну жизнь заново: человеком, которым хочу быть сам. Не таким, каким меня сделала Кэтрин.

16:00

Солнце тяжело давило на плечи и жарило лоб, поэтому я развязал рубашку, которую прежде обмотал вокруг талии, и прикрыл ею голову. Судя по дорожному знаку, я находился в полутора милях от парка отдыха, мимо которого мы проезжали однажды, играя в счастливую семью.

Ветхое сооружение, окруженное забором из колючей проволоки, выглядело весьма странно. Кэтрин тогда сказала, что это место напоминает ей Освенцим из документального кино. Правда, народу здесь отдыхало немало, так что многие с ней, наверное, не согласились бы.

Я прошел сквозь распахнутые ворота, державшиеся на ржавчине и слоях облупившейся краски. По большой дуге стояло штук тридцать трейлеров. Еще несколько примостилось в отдалении, среди кустов. Громко визжали дети, родители играли с ними в крикет, а бабушки с дедушками сидели рядом и слушали что-то хрипящее из портативного приемника. Можно было позавидовать их незатейливому счастью.

Невдалеке я заметил небольшой торговый киоск, окруженный выцветшими пластиковыми стульями и столами. Порывшись в карманах, я с усмешкой обнаружил смятую двадцатифунтовую купюру, которая, видимо, пережила стирку. Судя по всему, новому Саймону везло больше предыдущего. Я заказал колу у скукавшей девушки за прилавком, и та, закатив глаза, спрятала мою купюру в кассовый аппарат.

Я присидел на пластиковом стуле до самого вечера, наблюдая за отдыхающими со стороны – будто впервые посетив Землю. Я и забыл, на что похожа обычная семейная жизнь, какой она была до предательства Кэтрин.

Хватит, не надо думать про нее и про последствия ее решений. Я больше не безвольный актер в ее пантомиме.

20:35

По мере приближения ночи парк накрыло запахами жареного мяса и ароматических свечек. Я думал, меня никто не замечает, но к моему столику вдруг подошел мужчина средних лет с голым торсом. Он сказал, что его жена еще днем заметила, как я сижу один, и пригласила отужинать вместе с ними.

Я с благодарностью принял приглашение и набил желудок жареными сосисками. За едой я больше слушал, чем говорил. Когда меня спросили, откуда я, то соврал. Сказал, что вдохновился примером одного знаменитого спортсмена, который ради благотворительных сборов недавно прошел от Лендс-Энд до Джон-о'Гротс², и в целях поддержки бездомных решил повторить его подвиг.

Я быстро понял, как легко на самом деле врать – особенно когда люди готовы верить каждому твоему слову. Неудивительно, что моя мать стала в этом деле мастером.

Новых знакомых так впечатлил рассказ, что они предложили мне в качестве взноса для моей благотворительной организации десятифунтовую купюру. Я взял ее без особых утрыз-

² *Лендс-Энд – Джон-о'Гротс* – туристический маршрут, пролегающий между двумя крайними точками острова Великобритания, на юго-западе и северо-востоке соответственно. Для пеших туристов протяженность маршрута – 1900 км. Для его прохождения в среднем требуется 2–3 месяца.

ний совести, не считая нужным объяснять, что вся моя благотворительность ограничивается помощью родной семье.

Поблагодарив их, я извинился и пошел к трейлерам, стоявшим в отдалении. Убедившись, что они пусты, открыл металлическую защелку на окне и незаметно забрался внутрь.

Воздух оказался затхлым, подушка – комковатой и воняла потом предыдущих гостей, а накрахмаленное жесткое одеяло царапало грудь. Зато у меня была крыша над головой. Я вытер с окна грязь, оглядел свое новое убежище и улыбнулся. До чего приятной может стать жизнь, если ее не усложнять.

За день я безмерно устал. Ноги ныли, на пятках саднили мозоли, лоб начал облезать, поясницу ломило. Но эту боль я практически не замечал.

Я спал крепко, как младенец. Не мучился ни мечтами, ни планами, ни, самое главное, угрызениями совести.

Нортхэмптон, наши дни

8:25

Кэтрин сидела в гостиной, поставив ноутбук на столик из красного дерева. Она слегка повернула экран, чтобы видеть на рабочем столе фотографию Пятой авеню в Нью-Йорке, и улыбнулась. Хорошо бы выкроить время и съездить туда еще раз.

Судя по времени, последнее письмо Джеймс отправил рано утром. Он не бывал в родном доме уже целый месяц, однако Кэтрин давно смирилась с тем, что старший сын избрал себе жизнь, связанную с разъездами по всему свету. Несмотря на занятость, Джеймс старался сообщать матери о своих передвижениях, а если ему не удавалось черкнуть пару строк или хотя бы поздороваться, она заходила на его сайт или страницу в «Фейсбуке», чтобы почитать последние посты. Робби попытался научить ее пользоваться скайпом, но она предпочла научиться другому – записывать сериалы с телевизора.

Кэтрин скучала по тем временам, когда письма писали чернилами. Грустно, что столько людей вокруг считают, будто стучать пальцами по клавиатуре проще и моднее, чем водить ручкой по бумаге. Впрочем, она и сама давно не брала в руки перо – если только затем, чтобы вывести под документами подпись.

Эмили недавно ушла. Она обещала вернуться к вечеру и отвезти ее на ужин. Значит, есть время, чтобы ответить Джеймсу и заказать пару книг на «Амазоне».

Однако не успела Кэтрин включить ноутбук, как в дверь постучали. Она сняла очки, закрыла крышку и пошла открывать. Крикнула, отпирая замок:

– Опять забыла кошелек, дорогая.

Однако за дверью обнаружила не Эмили. На пороге стоял пожилой джентльмен.

Кэтрин улыбнулась.

– О, простите. Я думала, это моя дочь.

Мужчина улыбнулся в ответ, снял шляпу и пригладил редкие седые волосы, обрамлявшие лысину.

– Вы что-то хотели? – спросила она.

Он не ответил, только посмотрел ей в глаза, чего-то терпеливо ожидая. Кэтрин мысленно отметила его средиземноморский загар, сшитый на заказ костюм-тройку и даже с беглого взгляда убедилась, что голубой галстук – из чистого шелка.

Пауза затягивалась, молчание становилось неловким. Впрочем, опасности она не чуяла. Мужчина был привлекательным на вид, ухоженным и отчего-то знакомым. Может, они встречались где-нибудь во Франции, когда она ездила в шопинг-тур? Но откуда он узнал ее адрес? Нет, глупости...

– Вам чем-то помочь? – спросила Кэтрин.

Наконец мужчина открыл рот и заговорил:

– Здравствуй, Китти. Давно не виделись.

Она озадаченно нахмурилась. Никто не называл ее Китти, никто, кроме отца и...

Сердце рвануло, как при прыжке с тридцатого этажа.

Глава 2

КЭТРИН

Нортхэмптон, двадцать пять лет назад

5 июня, 04:45

Глаза нещадно жгло, будто от уксуса. Я не спала больше суток. Не давали покоя мысли о Саймоне.

В постель я легла ближе к полуночи, переодеваться не стала: казалось, что надеть пижаму – все равно что признать, будто Саймон уже не вернется. Когда это закончится? Было тошно от одной мысли, что завтра все начнется по новой.

Дверь в спальню я оставила открытой, чтобы не пропустить звонок или стук в дверь. Всю ночь пролежала неподвижно поверх одеяла, потому что лечь как полагается – значит, потерять драгоценные секунды, пока в спешке буду выпутываться из постели, чтобы схватить внизу трубку. Ужасно хотелось спать, но на душе было тревожно, и я подскакивала от малейшего шороха или скрипа – вдруг это Саймон крадется по коридору; зайдет сейчас и скажет: мол, прости, я не хотел... Потом обнимет меня крепче обычного, и эти ужасные двадцать четыре часа растают без следа.

Мы уже давно не спали в обнимку. Я скучала по тем временам, когда Саймон насвистывал «Отель Калифорния», подстригая лужайку, или собирал вместе с Робби божьих коровок в банку из-под мармелада. Мне не хватало его теплого дыхания на шее. Где же он, тот мужчина, который баюкал меня на руках, пока я истошно рыдала, умоляя Господа вернуть моего мальчика?

Я лежала, не смыкая глаз, до самого рассвета. Приближался новый день – а я еще не отошла от предыдущего.

8:10

– Где папа? – спросил вдруг Джеймс, поглядывая на дверь.

– Он... э-э... уже ушел на работу, – соврала я и поскорей сменила тему.

Когда дети проснулись, я постаралась сделать вид, будто все в порядке. Правда, накормив их завтраком и собрав обед в школу, невольно обняла крепче обычного, пытаюсь ощутить внутри них Саймона. Потом передала детей Поле, чтобы та отвела их в школу, а сама налила четвертую чашку кофе за утро и принялась ждать Роджера.

– Ты бы не налегала так на кофе, еще больше разнервничаешься, – предупредила Пола, строго покачав пальцем.

– Я только на нем и держусь, – ответила я и глянула на руки – те по-прежнему тряслись. – Пола, а что, если он не вернется?.. – шепотом, чуть слышно спросила я, чтобы не услышал Джеймс. – Как я без него?

– Эй, не смей так думать! – Пола крепко сжала мои ладони. – Вам и без того столько пришлось пережить... Ты же знаешь, Роджер свернет горы, но в любом случае притащит его домой.

– А если не получится?

– Уж поверь, Саймон обязательно найдется!

Я кивнула, надеясь, что так оно и будет.

– Давай Эмили я тоже заберу, – предложила Пола, уже вытаскивая из шкафа под лестницей розовую коляску.

– Спасибо, – с чувством сказала я, потому что в эту минуту приехал Роджер в сопровождении суровой женщины в полицейской форме, которую он представил как офицера Уильямс.

Пола поскорей вывела детей через черный ход. Полицейские уселись за стол и достали блокноты.

– Миссис Николсон, когда вы последний раз видели мужа? – начала офицер Уильямс. Мне не понравился ее резкий тон.

– Позапрошлым вечером. Он собирался посмотреть новости, но я слишком устала, поэтому пожелала ему спокойной ночи и пошла спать.

– Вы не помните, во сколько он лег?

– Нет, но он точно ночевал дома.

– Откуда вам знать? Вы видели его или, может, разговаривали?

– Нет, просто знаю.

– Уверены? Он мог уйти еще вечером. Такую возможность вы не рассматривали?

– Нет, вряд ли...

Я задумалась, стараясь вспомнить, чувствовала ли Саймона рядом в ту ночь.

Офицер Уильямс решила зайти с другой стороны:

– У вас не было с мужем разлада?

– Разумеется, не было, – огрызнулась я.

– Может, у Саймона наблюдались проблемы с деньгами? Или трудности на работе?

– Нет, ничего подобного.

Она говорила о нем в прошедшем времени, и мне это не нравилось.

– Вы не думали, что у него может быть кто-то еще?

Вопрос застал меня врасплох. Такая мысль никогда не приходила в голову.

– Нет, он бы так не поступил.

– Соглашусь с Кэтрин, – добавил Роджер. – Саймон не из таких. Для него нет ничего важнее семьи.

– И все же измены случаются чаще, чем вы думаете...

– Я сказала: нет! – резко перебила я. – У моего мужа не было интрижек на стороне.

– Он прежде пропадал?

– Нет!

– Даже на несколько часов?

– Даже на несколько часов!

– Может, угрожал уйти?

– Нет!

У меня вздыбились волоски на шее, в голове загудело. Я глянула на часы в духовом шкафу: сколько еще продлится эта пытка вопросами?

– Может, в семье были какие-то проблемы в последнее время?

Мы с Роджером переглянулись. У меня перехватило горло.

– Только те, о которых я рассказывал в машине, – ответил за меня Роджер.

– Ясно... Как Саймон это пережил?

Я сглотнула комок.

– Нам было трудно, но мы справились. Он очень меня поддерживал.

– Могу представить... Вы не думаете, что это повлияло на его уход?

– Хватит говорить так, будто он от меня ушел! – рявкнула я. – Мой муж пропал без вести!

– Иветт неправильно выразилась, – вмешался Роджер, укоризненно глянув на свою бестактную коллегу. – Прости, Кэтрин, мы обязаны рассмотреть все возможности.

– Хочешь сказать, он мог взять и уйти?

– Нет, нет, что ты! Потерпи еще чуть-чуть. Мы почти закончили.

Вопросы иссякли полчаса спустя, когда мы в очередной раз уперлись в тупик. Роджер попросил свежий снимок Саймона, поэтому я вытащила из кухонного ящика толстый конверт с фотографиями, которые мы не успели разложить по альбомам.

Их сделали два года назад, на предпоследнее Рождество, когда наша семья была в полном составе. Когда мы были все вместе, а не «шестеро минус один». Страшно даже представить, что теперь будет «минус два».

Фотографии сделали в начале вечера, когда Джеймс танцевал и корчил рожицы под свой новый диск с песнями Майкла Джексона, Робби руководил схваткой доисторических чудищ – диплодока и какого-то ящера с шипастой спиной, а Эмили с хихиканьем лопала пузыри на пупырчатой пленке.

В доме царил бардак, но Саймона это не смущало. Он умиленно любовался семьей, которую помог создать. Правда, на одном из снимков он глядел в сторону с на удивление пустым лицом: совсем не был на себя похож. Поэтому я выбрала другую фотографию: где все улыбались. Пусть Саймона видят таким, каким он был в жизни.

Именно такого я отчаянно ждала домой.

12:45

Слухи о пропаже Саймона разлетелись быстрее лесного пожара. Если он лежит где-то искалеченный, надо найти его как можно скорее, поэтому полиция созвала всех наших знакомых в поисковый отряд.

Десятки людей разных возрастов – включая соседей, которых мы даже не знали, – стали прочесывать поля, проселочные дороги, рощи и церковные кладбища. Полицейские водолазы исследовали ручьи, пруды и каналы.

Я стояла у забора в саду, обхватив себя руками и молясь, чтобы дрожь внутри поскорей утихла. Темные фигуры вдалеке расплывались в глазах. Было ужасно страшно: вдруг сейчас крикнут, что мой муж нашелся. Однако ветер доносил лишь шорохи ног, топчущих посеы.

Вместе с Роджером и офицером Уильямс мы обыскали весь дом сверху донизу. Хотя это было крайне мерзко, я стиснула зубы и смирилась, зная, что того требует от меня долг. Мы перетрясли антикварное бюро, папку за папкой просмотрели бумаги: от старых банковских выписок до телефонных счетов – на предмет «следов необычной активности». Паспорт Саймона, его чековая книжка и банковская карта лежали на обычном месте в ящике стола рядом с моими документами. На всякий случай я перебрала квитанции, которые Саймон хранил в обувных коробках.

Другие полицейские тем временем запросили его медицинскую карту и вместе со Стивеном изучили рабочую документацию. Затем поговорили с соседями, особенно с молочником и почтальоном. Саймона никто не видел.

Офицер Уильямс попросила меня составить список вещей, которые он мог надеть тем утром, поэтому я принялась рыться в гардеробе. Вспомнилось вдруг, как Оскар нервно топтался вчера на коврике у двери. Тогда я не обратила внимания, но сейчас сообразила, что пес стоял прямо над кроссовками Саймона. Странно... Выходит, тот отправился не на пробежку?.. Значит, офицер Уильямс права: он мог уйти еще ночью? Или рано утром? Куда? Зачем? И почему не взял с собой бумажник с ключами?

– Как успехи, миссис Николсон? – крикнула снизу офицер Уильямс. – Нашли что-нибудь?

– Нет. Сейчас спущусь, – соврала я и уселась на диван, пытаясь уложить мысли в голову.

Отчего-то казалось, что свое открытие лучше держать при себе. Эта самодовольная корова и без того полна сомнений; не хотелось бы лишний раз доказывать, что, возможно, она права.

Трое кинологов с брехливыми немецкими овчарками зашли в дом, чтобы поймать запах Саймона. Бедный Оскар забился в кладовку, не соображая, отчего в коттедже такая суега и шумиха.

– Как я тебя понимаю, – прошептала я и чмокнула пса в макушку.

17:15

Вечером, когда я забирала детей из школы, пришлось снова им соврать. Я заявила, что у нас праздник и мы идем в кино на последний диснеевский мультфильм. Робби с Джеймсом радостно завопили.

По совету Роджера я увезла мальчиков из города, чтобы они не спрашивали, отчего на улицах столько народу в будничнй день. Пусть побудут немного в мире красочных иллюзий.

Пока дети выбирали попкорн, я мельком упомянула, что днем папа заезжал домой за вещами.

– Он летит в командировку в другую страну на большом самолете. На таком же, на каком мы летали в Испанию, – объяснила я. – Его не будет несколько дней.

Байка про «приключения за морем» пришлась детям по душе. Робби заявил, что папа теперь будет как Индиана Джонс.

– Он поэтому и просил отвести вас в кино и передать, как сильно вас любит.

– Спасибо, папа! – крикнул Джеймс, запрокинув голову к небу и помахав воображаемому самолету.

Когда начались титры, я задумалась, правильно ли рассказывать детям сказки, скрывая от них происходящее? Но разве они смогут понять, что происходит, если я сама ничего не понимаю? Я не в состоянии сказать им правду, потому что не знаю, в чем дело.

Я полтора часа пялилась на экран, однако не увидела ни одной картинки и не услышала ни слова. Голову не отпускала навязчивая мысль про кроссовки Саймона. Если он отправился не на пробежку – то куда? И зачем?

Я так долго себя накручивала, что начало подташнивать.

Впрочем, какова бы ни была причина, одно я знала наверняка: Саймон не ушел бы от нас по своей воле.

20:40

Домой мы попали уже в сумерках, когда поиски свернули. Робби и Джеймс, усталые, поплелись вверх чистить зубы. Я же поспешила на кухню, где уже сидели Стивен и Байшали, которые привезли Эмили.

– Что-нибудь слышно? – с волнением спросила я.

– Прости, ничего, – ответила Байшали, и у меня затряслись губы.

Подруга хотела меня обнять, однако я выставила перед собой руки.

– Не надо, я держусь, правда. Пойду, посмотрю, как дети.

– Не знаю, стоит ли тебе рассказывать... – смущенно начала Байшали и замолчала.

– Что рассказывать?

Мы с Байшали были довольно близки, но ее манера молчать до последней минуты, чтобы никого ненароком не огорчить, изрядно меня бесила, особенно сейчас, когда требовалось знать все до мельчайшей детали.

– К тебе приходили.

– Кто?

– Артур и Ширли, – ответила та и виновато, как ребенок, опустила голову.

Я вздохнула. В суматохе последних дней я совсем забыла, что просила Роджера сообщить о пропаже Саймона его отцу и мачехе. Теперь грядет очередной скандал, а у меня совершенно нет сил выяснять с ними отношения.

– Лучше не затягивай, – добавила Байшали, словно прочитав мои мысли. – Ты же знаешь Ширли: она всю душу вытрясет, если решит, будто от нее что-то утаивают.

Я кивнула, не рискнув заговорить – голос мог меня подвести. Байшали все поняла правильно и крепко обняла меня. На сей раз сопротивляться я не стала.

– Не переживай так сильно. Саймон обязательно вернется.
Она ободряюще улыбнулась.

Я думала об одном: сколько еще раз я должна услышать эти слова, чтобы они стали, наконец, правдой?

САЙМОН

Лутон, двадцать пять лет назад

5 июня, 8:40

Легковушки и грузовики с ревом неслись по автостраде, а я топтал ногами мягкую траву на обочине.

Без денег был только один способ добраться до Лондона – автостопом, при условии, что кто-то из водителей надо мною сжалится. Но ни люди, ни машины словно не замечали мой оптимистично выставленный вверх палец. Впрочем, по натуре я терпелив.

Ночь я провел мирно, а вот рано утром возле потрепанного фургона, где я спал, припарковался минивэн с багажником на крыше, битком набитым пластиковыми чемоданами. Без лишней суеты я собрал вещи и вылез через заднее окно, одеваясь на ходу, словно беглец.

У самых ворот замедлил шаг и остановился, услышав детский плач. Один из новых гостей, мальчишка лет трех, видимо, не сдержав волнения, бросился к фургонам, но, запнувшись, упал и ссадил коленку.

Мать, уронив сумку, обежала машину и подхватила сына на руки. За годы отцовства я научился отличать искренние слезы от поддельных. Мальчик плакал намеренно. Он знал, что чем громче будет реветь, тем крепче его пожалеют.

С моей матерью такой трюк не прокатывал... Последний раз я видел ее двадцать лет назад – и от всего сердца пожелал ей в тот день сдохнуть.

Мой отец, Артур, был человеком хорошим, но совершенно безвольным. Единственная его ошибка заключалась в том, что он отдал сердце ветреной женщине. Дорин была полной его противоположностью. Взбалмошная и непостоянная, она то исчезала, то вновь появлялась в нашей жизни. С нами она была весела, внимательна и щедро одаривала нас любовью. Не успев зайти в комнату, озаряла своим присутствием каждый уголок и заполняла его смехом. Мы возводили с ней в гостиной шалаши из простыней, накидывая их на диван, потом заползали внутрь и жевали рассыпавшееся в руках печенье, взятое в магазине по акции.

Однако женщина, которую мы с Артуром любили всей душой, редко задерживалась в нашем доме. Неважно, сколько времени она проводила с нами – месяц, полгода или, если повезет, целый год, – мы всегда поглядывали на часы, ожидая неизбежного.

Она изменяла мужу часто и в открытую. Порой незнакомцу достаточно было подмигнуть – и она тут же бросалась ему на шею. Однажды Дорин сбежала с хозяином местного паба в Сандерленд и устроилась там официанткой. В другой раз повелась на обещания пилота «Пан Американ» показать ей мир и успела добраться с ним до самого Бирмингема, где тот ее бросил.

Еще она подолгу пропадала в Лондоне. Отец из-за этого часто с ней ссорился, особенно когда они думали, что я сплю. Дорин боялась быть счастливой – и при этом боялась одиночества. Разрываясь между этими двумя чувствами, она бежала то к нам, то от нас. И хотя я привык к ее отлучкам, все равно не видел в ее метаниях смысла.

– Саймон, я здесь задыхаюсь! – пыталась она объяснить, когда я в очередной раз поймал ее при побеге.

Она стояла на коленях, одной рукой держа чемодан, а в другой сжимая мою ладошку, и разговаривала с шестилетним ребенком так, словно он мог разобраться во всех перипетиях ее сердца.

– Я люблю вас с папой, но мне этого мало! – крикнула Дорин, распахивая входную дверь, и уселась в чужой синий «Остин Хили».

Мы всегда прощали ей драматические эскапады. После отъезда становилось даже легче – лучше так, чем тоскливо ожидать неизбежного.

Я пожелал матери смерти лишь затем, чтобы эта круговерть наконец закончилась.

Даже сегодня, став взрослым человеком, готовым начать жизнь с чистого листа, я все равно, несмотря ни на что, в глубине души тосковал по матери. После всех обещаний, что она нарушила, после всех слез, которые я пролил по ее вине, я не мог двигаться дальше, не сообщив, что простил ее.

Когда я последний раз о ней слышал, она жила где-то в Лондоне.

Небеса разверзлись, и дождь хлынул ровно в тот момент, когда рядом, вспыхнув габаритными огнями, притормозил автомобиль. Я подбежал к нему.

Благодаря матери я понял, что порой не остается другого выбора, кроме как послать всех к чертям.

А у меня были более веские причины бросить семью, чем в свое время у Дорин.

Хемел-Хемпстед

13:10

Высидевшись на автозаправке в нескольких милях к югу от Лутона, я укрылся от дождя под металлическим навесом.

Сел поближе к масляному обогревателю – может, удастся высушить одежду. Под ножку железного стула, чтобы тот не качался на выщербленной плитке, подложил пару свернутых салфеток. Коренастый мужчина в красной шапочке и фартуке за стойкой сжалился и бесплатно налил мне большую кружку горячего чая.

Я думал о том, что скажу матери, когда ее найду. Я бывал у нее в гостях. Мне тогда было тринадцать, и она вдруг начала слать из Лондона письма – одно за другим. Уверяла, что каждый день думает обо мне. Писала те самые слова, которые я хотел услышать от нее последние пять месяцев, прошедших со дня ее отъезда. Каждое предложение я перечитывал по сто раз, пока оно намертво не въедалось в память.

Мне не хватало Дорин, и отцу, наверное, тоже, хотя мы никогда об этом не говорили. Поэтому нашу переписку я держал в секрете. Перехватывал почтальона, а письма прятал на книжной полке возле кровати. Суегливо писал ответы, рассказывал ей про школу, про друзей и свои обычные занятия. Даже про чудесную девочку, с которой недавно познакомился на уроке английской литературы.

Потом, как-то раз, Дорин попросила ее навестить. Она сказала, что живет в большом доме и у нее есть пустая комната. Если хочу, я могу ее занять. Она работает в ресторане неподалеку и готова выслать мне денег на билет.

Я, изрядно поборов сомнения, решился заговорить об этом с отцом. Тот был удивлен и, наверное, даже немного разочарован моими секретами. Он пытался найти разные причины, чтобы отговорить меня. Предупреждал, что ничего хорошего из нашей затеи не выйдет.

– Когда я встретил Дорин, шевелюра у меня была всем на зависть, а теперь посмотри, что от нее осталось, – в отчаянии привел он последний довод, ткнув пальцем в свою лысину. – Она и из тебя, Саймон, все соки выпьет.

Впрочем, мы оба понимали, что он упрямится лишь из страха: боится, я предпочту остаться с ветреной мечтательной мамашей, а не с надежным, вечно занятым и лысым отцом. Я обещал, что никуда не денусь, хотя, надо признать, в глубине души подумывал о переезде. Артур пока не предавал меня – это будет позднее, – но тайная жизнь Дорин Николсон манила пуще любых земных радостей.

Я воображал, как она живет в роскошном особняке и вечерами, разодетая в пух и прах, устраивает гламурные вечеринки для лондонской элиты. Я обязан был увидеть ее жизнь соб-

ственными глазами. В конце концов отец смиловился и отпустил меня. Причем проезд оплатил сам, убедившись притом, что я купил обратный билет.

Повзрослев, я понял, что мы с Дорин искали перемен по разным причинам, хотя невольно выбрали один путь. Я начинал понимать ее, как не понимал никого другого.

Лондон

17:30

До окраин Лондона я добрался на «Моррис Миноре» в компании четырех йоркширских терьеров, дремавших на заднем сиденье. На заправке подошел к пожилой супружеской чете, и те согласились подвезти меня до столицы. Они ползли по автостраде с черепашьей скоростью – километров шестьдесят в час, – запуская по кругу одну и ту же кассету с лучшими хитами Джона Денвера³. Не сразу уловив иронию ситуации, уже на втором куплете я начал подпевать: «Уведи меня домой, сельская дорога».

Я рассеянно теребил ремешок на запястье – единственный подарок Дорин, что у меня остался, – и глядел в окно на пыхтящий вдалеке поезд.

Вспомнилось, как двадцать лет назад мать встречала меня на вокзале, нервно затягиваясь сигаретой без фильтра. Никотин и лавандовые духи облепили мне пальто, когда она прижала меня к груди, и на щеках у нее заблестели слезы.

– Как я рада видеть моего мальчика! – всхлипнула она. – Ты даже не представляешь!

Я представлял, еще как, потому что меня тоже раздирали эмоции.

Мы уселись на верхней платформе красного двухэтажного автобуса, чтобы доехать до ее дома в Бромли-бай-Боу на востоке Лондона. Дорин обнимала меня за плечи и постоянно целовала в макушку, а ветер трепал мне волосы. Я увлеченно разглядывал дома, восторгаясь архитектурой города, и торопливо делал в блокноте эскизы самых известных зданий вроде парламента или собора Святого Павла, чтобы показать потом Стивену. Он, как и я, был одержим старинными зданиями, имеющими историческую ценность, – а таких в Лондоне было немало.

– Приехали, – наконец объявила мать и нервно улыбнулась, словно пытаясь меня взбодрить.

Увидев ее тесный домишко, я изо всех сил постарался изобразить радость. Он был гармошкой зажат в тесном проулке среди десятков других таких же убогих лачуг. Однако я убедил себя, что это пустяки; главное – я с мамой.

Дорин отперла входную дверь, и когда на лицо ей упало солнце, на щеках стали заметны слезы, от которых поплыл макияж. А еще – тень пурпурного синяка под глазом, густо замазанного косметикой.

Когда она взяла мой чемодан, чтобы занести в коридор, рукав платья в цветочек задрался, обнажив запястье, щедро усеянное желтыми и синими пятнами. Я промолчал.

Внутри домик оказался аккуратным, но обставленным весьма скудно; ремонта он не видел со времен войны. Обои пытались сбежать со стен, и их удерживали на месте только куски липкой ленты. Потолок над вытертым креслом, из которого торчала набивка, потемнел от сигаретного дыма. В коридоре рядом с белыми туфельками на шпильке валялись здоровенные изношенные мужские ботинки.

– Это чьи? – спросил я.

– О, одного моего приятеля, – ответила Дорин.

Больше я не успел ничего сказать, потому что в доме объявилось чудовище.

Нортхэмптон, наши дни

³ *Джон Денвер* (наст. Генри Джон Дойчендорф-мл., 1943–1997) – один из самых популярных американских исполнителей кантри.

8:27

– Саймон...

Кэтрин прошептала это имя так, будто оно застряло на выдохе, не желая проталкиваться в губы.

– Да, Китти, – сдержанно ответили ей.

Она ухватила за дверную ручку, словно за спасательный круг. Боялась, что, если отпустит, ноги подогнутся и ее затянет в бурю эмоций, которые она похоронила в себе много лет назад.

За секунды в голове вихрем пронеслись десятки самых безумных теорий. Сперва она решила, будто у нее инсульт и мозг устроил ей галлюцинации. Затем – что вернулась давно побежденная болезнь.

Потом Кэтрин заглянула в оливково-зеленые глаза, которые когда-то дарили ей все, в чем она нуждалась, и безжалостно отогнала глупые мысли.

– Ты как? – спросил Саймон.

Он знал, что своим появлением поразит ее – но не настолько ведь, чтобы довести до обморока.

Кэтрин тем временем очнулась от размышлений. Нет, определенно, он не плод ее воспаленного воображения. Он настоящий. Человек, который двадцать пять лет назад пропал. Человек, которого она любила и потеряла; человек, который давным-давно стал призраком, теперь стоял во плоти у нее на пороге.

Она произнесла одно-единственное слово, воплотившее в себе все невысказанные вопросы: и прошлые, и нынешние.

– Зачем? – спросила Кэтрин.

– Можно войти? – отозвался Саймон, не сомневаясь, что она разрешит.

Она ничего не сказала, оставшись стоять в дверях. Он пытался разгадать ее мысли по лицу, теперь совершенно незнакомому.

Наконец Кэтрин отвернулась и отошла, позволяя ему шагнуть в коридор. Сама тем временем обвела взглядом улицу – видел ли кто-нибудь воскрешение мертвеца? Но, как и в день его пропажи, свидетелей не было.

Кэтрин глубоко вдохнула, потому что ей предстояло дышать одним воздухом с покойником.

И тихонько закрыла за ними дверь.

Глава 3

САЙМОН

Лондон, двадцать пять лет назад

6 июня, 5:20

Дворники собирали с лондонских тротуаров жестяные банки от газировки и картонные коробки из-под еды и складывали их в черные полиэтиленовые мешки для мусора. Вчерашний ливень смыл затхлую духоту и принес в город утреннюю прохладу. Я натянул на озябшие ладони рукава рубашки и облокотился на перила возле Британской библиотеки, надеясь, что внутри, когда она откроется, будет теплее.

Ночь я провел в приюте для бездомных и проснулся чуть свет. Теперь слонялся по городу, вглядываясь в пустые лица спешащих на заводы работяг. Любой из них, кто постарше, мог оказаться Кеннетом Джаггером.

Первое, что я помнил о чудовище, живущем с моей матерью, – это его тяжелые шаги, под которыми тряслись ступени. Спустившись по лестнице, Кеннет окинул меня взглядом с головы до ног и, не сказав ни слова, свернул в гостиную.

Я с удивлением посмотрел на мать. Та вымученно улыбнулась.

Кеннета я невзлюбил с первого взгляда – и, совершенно очевидно, взаимно. На вид он был довольно жутким, таких людей я прежде не встречал. Он носил густые черные усы и прикрывал залысину обвислой прядью. По широким плечам кустились волосы, паучьими лапами торча из дыр на грязной белой майке.

По угловатому лицу можно было прочитать всю его биографию. На предплечьях и тыльной стороне ладоней змеились татуировки с ножами и пистолетами – видимо, Джаггер любил запугивать людей. На левом бицепсе, немного сбоку, красовалось алое сердце с черным кинжалом, пронзающим имя «Дорин». Судя по тому, как выцвели краски, Кеннет знал мою мать гораздо дольше меня.

Дорин поволокла Кеннета в крошечный дворик, залитый бетоном. Я заметил на столе альбом для вырезок. Кеннет, перехватив мой взгляд, кивнул по дороге: мол, «открывай», не разрешая даже, а приказывая.

В альбоме оказалась его биография, запечатленная в газетных вырезках.

Кеннет Джаггер, или «Джаггер-кинжал⁴», как его окрестила пресса, был кем-то вроде гангстера, то есть преступником достаточно известным, чтобы удостоиться упоминания в новостях всякий раз, когда попадался полиции. Из оружия он предпочитал ножи. Жизнь тратил впустую, изредка отправляясь в места не столь отдаленные по воле Ее Величества, но наказание ни разу не заставило его усомниться в верности избранного пути.

В середине шестидесятых он был мелкой сошкой. Считался профессиональным преступником, нигде не работал, за душой имел кое-какое награбленное добро и Дорин. Судя по заметке, в которой рассказывалось о том, как его посадили за грабеж и избиение почтальона, Кеннет вышел на свободу как раз перед очередным побегом матери. Видимо, из-за него мои родители и ссорились за закрытыми дверями.

Вернувшись, Кеннет и Дорин застали меня за изучением его криминального досье. Если он думал произвести впечатление, то просчитался.

Дорин заметно насторожилась – почуяла, что пахнет жареным.

– Ну что ж, давайте выпьем чаю? – зашебетала она, словно Барбара Виндзор из «Так держать»⁵. Нервно постучала пальцем по нижней губе. – Саймон, ты мне не поможешь?

⁴ По-английски фамилия *Jagger* и слово «*dagger*» («кинжал») рифмуются.

⁵ «*Так держать*» – масштабная британская комедийная франшиза 1950–90-х гг., состоящая из нескольких десятков филь-

– Откуда ты с ним знакома? – прошипел я, когда она утащила меня на кухню.

– Мы с Кенни давние приятели, – ответила Дорин, не глядя мне в глаза и делая вид, будто занята чисткой картофеля.

– Но почему он здесь? С нами?

– Саймон, это его дом.

Я уставился на нее, желая услышать подробности, однако объяснений не дождался. В мрачной тишине мы принялись готовить наш первый и единственный совместный обед.

13:50

Я перебрал в библиотеке списки избирателей за последние двадцать лет, пытаясь обнаружить следы Дорин, но ничего не нашел. Судя по ее обиженной гримасе, когда мы с отцом первый раз выгнали ее из дома, она давно смирилась со своей судьбой, и ее путь был неразрывно связан с Кеннетом.

Поэтому я, полагаясь на смутную память, карту лондонских улиц, которую втихаря утащил под рубашкой, и автобусные маршруты, отправился исследовать район Бромли-бай-Боу.

В тот день Дорин тщетно пыталась развеять хмурую тишину между мной и Кеннетом пустой болтовней. Ему нечего было сказать, и он грозно на меня посматривал, взглядом выражая свое презрение. Я же опасался лишний раз глянуть в его сторону. Мы с отцом давали Дорин все, что ей нужно, но она бросила нас ради жалкого существования с этим никчемным типом... Что за бред?

– И надолго он здесь? – буркнул вдруг Кеннет, запихивая в рот очередной сэндвич с картофелем. По подбородку у него потек томатный соус.

– Кеннет, не начинай... – мягко отозвалась Дорин.

При моем отце она была душой компании, а с Кеннетом унижалась и раболепствовала.

Дорин принялась расспрашивать меня про школу, и я рассказал, что намерен поступать в университет на архитектора. Она нежно улыбнулась. Кеннет же громко хохотнул.

– Университет ему подавай! Хрень полнейшая.

– Это почему? – спросил я, впервые осмелившись обратиться к нему напрямую.

– Иди и найди себе нормальную работу. Нечего просиживать задницу и учиться всяким бредням.

– Мне тринадцать; я не могу работать архитектором, пока не получу диплом.

– Парень, послушай, в твоём возрасте я уже выступал на боксерском ринге и торговал на рынке, а не протираю штаны.

– Ну, мой отец живет иначе.

Я уставился на Дорин. Та опустила взгляд.

– Ой, да что этот хлюпик знает о жизни? Кто-то должен сделать тебя мужчиной!

Я понимал, что не стоит дерзить человеку вроде Кеннета, но удержаться не смог.

– Мужчиной наподобие вас?

– Что ты сказал?!

– Ничего.

Я опустил голову к тарелке.

– Думаешь, ты лучше меня, так, что ли? – Кеннет закипал, словно вулкан. – Приперся сюда, гений недоделанный... Тебе никогда не стать лучше меня – понял, ты, сученыш?

Я покосился на Дорин, рассчитывая на ее поддержку, но она молчала. Меня накрыло окончательно.

– То есть мне надо прирезать кого-нибудь и провести остаток дней в тюрьме... так, что ли, Кенни?

Он стукнул обоими кулаками по столу.

– Знаешь, что самое главное? Меня уважают. А тебя – нет.

Не успел я осознать, что происходит, как он отшвырнул стул, а меня вздернуло в воздух и прижало к стене ручищей размером с корабельный якорь. На щеках у Кеннета заиграли красные пятна.

– Еще раз посмотришь свысока – и тебе, черт возьми, крышка! – рявкнул он, обдавая меня фонтаном хлебных и картофельных крошек изо рта.

– Кенни, не надо! – наконец отмерла Дорин. Она подбежала и схватила его за руку. Кеннет развернулся и огрел ее тыльной стороной ладони по щеке. Дорин упала, растянувшись на голых досках пола.

– Не трогай ее, ублюдок! – заорал я, но он саданул меня в живот и крепче стиснул лапищу на горле, не давая глотнуть воздуха.

– Хватит, ты его убьешь! – взмолилась Дорин, размазывая струйку крови по белому, как у призрака, лицу.

– Надо же хоть раз преподать ему урок, – рыкнул тот, занося руку, чтобы снова меня ударить.

– Не смей бить родного сына! – закричала мать.

Кеннет замешкался на секунду и разжал пальцы, роняя меня на пол.

– Говорил я тебе, избавься от него!

Он плюнул и выскочил из комнаты. Входная дверь хлопнула. Я с силой втянул в себя воздух. Время словно застыло.

– Почему ты так сказала? – просипел я, ничего не понимая.

– Прости... – захныкала мать.

– Он ведь мне не отец. Мой отец – Артур.

– Он тоже. Я хотела, чтобы вы познакомились.

Дорин принялась что-то объяснять, но я не слушал.

Правда выплыла наружу.

Я больше не мог здесь оставаться. Взял чемодан, еще нераспакованный, и вышел из дома. Дорин побежала вслед за мной, умоляя вернуться и искренне веря, что мы с Кеннетом сумеем преодолеть наши разногласия. Как всегда, она себя обманывала.

Артур сразу понял, что случилась беда, когда я в тот день позвонил из телефонной будки на вокзале Нортхэмптона и попросил меня забрать. Он не спрашивал, что случилось, а я не стал ничего объяснять. Думаю, он все знал – просто втайне радовался, что я вернулся.

Я никому не рассказывал правду о своем происхождении. Запер ее в самом дальнем уголке сознания, вспомнив лишь несколько месяцев спустя, когда накануне моего четырнадцатилетия Дорин объявилась снова. Три одинокие души встретились на нашем пороге, и мы с Артуром поняли, что устали играть в ее игры.

Я убежал к себе в комнату, не желая разговаривать с матерью, и сел на пол, прижавшись спиной к двери. Артур внизу отказывался ее принять. Дорин умоляла, чуть ли не ползала на коленях. Он впервые в жизни не уступил. В конце концов входная дверь хлопнула, и Артур, тихо плача, ушел на кухню.

В тот день, позднее, когда я вышел из дома, Дорин поджидала меня в глубине двора и сунула мне в руки зеленую коробочку.

– Это тебе. Всегда помни, что мамочка тебя любит, какой бы глупой она ни была.

В коробке лежали красивые золотые часы «Ролекс». Когда я поднял голову, Дорин уже уходила. Я не стал ее окликать.

16:40

Я обошел, наверное, каждый мощный переулок Ист-Энда, пока наконец не наткнулся на то место, где прежде жила моя мать. Оказалось, что с годами площадь сменила не только название, но и облик.

Над ветхими домиками нависла огромная башня из бетона и стекла, отбрасывая мрачную тень на и без того серый пейзаж. Улица обрела более современный вид, однако лучше от этого не стала, практически не изменив своей убогой сути.

Разочарованный, я отправился в кафе, чтобы решить, как быть дальше. Я сделал заказ, и пожилая официантка с черным узлом на затылке и в фартуке, заляпанном супом, принесла мне чаю.

– Простите, вы здесь давно работаете? – спросил я ей вслед.

– Всю жизнь, мальчик мой, – бросила она через плечо.

– Может, вы помните женщину, которая жила в доме на месте, где теперь высотка? Дорин Николсон?

Та остановилась и глянула на меня.

– Хмм... – Она задумалась. – Я знала одну Дорин, только не Николсон. Как она выглядела?

Отец никогда не фотографировал мать – если у него и были какие-то снимки, то на стенах в нашем доме они не висели. Я помнил, как мама пахла, разговаривала, смеялась и пела. Помнил седину в корнях волос, как отвисали мочки ушей под тяжестью золотых серег и как темнела расщелинка между передними зубами, словно у Брижит Бардо. Но за все эти годы, как я ни пытался, мне не удавалось свести эти мелочи воедино, чтобы создать в голове цельный образ.

– Пепельно-русые волосы, рост где-то сто шестьдесят пять, зеленые глаза, довольно громкий смех. Она жила здесь лет двадцать назад.

Официантка отошла к прилавку, где висели фотографии, и сняла рамку со стены.

– Она? – спросила, протянув мне снимок.

Я сразу узнал одну из четырех женщин в униформе, стоявших возле стола.

– Да.

Я через силу сглотнул.

– Да, мальчик мой, я знала старушку Дорин. Когда-то она жила здесь, на площади. И работала со мной... Ох, целая вечность с тех пор прошла. Бедняжка...

По рукам у меня побежали мурашки.

– С ней что-то случилось?

– Да, она умерла, мальчик мой. Лет пятнадцать назад.

– Как это произошло?

– Приятель в который раз избил. И ударил головой о стену. Так нам старина Билли рассказывал. Он, ее приятель, совсем дурной был, вот и отшиб ей все мозги. Дорин какое-то время лежала в больнице, под аппаратами, а потом – все...

Я зажмурился и выдохнул его имя:

– Кеннет?

– Он самый. А вы откуда ее знали?

– Она была моей матерью.

Официантка надела очки, висевшие на шее, и пригляделась. Потом с глухим стоном села напротив.

– Да чтоб меня, ну конечно!.. Ты же Саймон, верно? У тебя ее глаза.

Странно, что она знает о моем существовании, не говоря уже про имя.

– Ох, мальчик мой... Дорин рассказывала, какой ты красивый шельмец.

Официантка хихикнула, и я не сдержал смущенной улыбки.

– Знаешь, она о тебе много говорила. И в медальоне на шее носила твою фотографию. Ну, пока не заложила его в ломбард... Так и не простила себе, что отдала тебя отцу.

На мгновение в груди стало тесно.

– А что с Кеннетом?

– За решетку, само собой, отправился. Он, правда, рассказывал в суде, что это была самооборона, она, мол, сама на него кинулась, но кто ж ему поверит? Говорят, пожизненное дали...

Официантка, назвавшаяся Мейзи, закурила сигарету без фильтра и рассказала кое-какие недостающие детали из жизни моей матери. Она вспомнила, что Дорин и Кеннет начали встречаться еще подростками. Когда она забеременела, и Кеннет, и родители настаивали на аборте. Однако Дорин упрямо отказывалась, и Кеннет принялся колошматить ее в надежде, что природа возьмет свое и у нее случится выкидыш. Но я уже тогда оказался стойким парнем.

Тяга к внезапным побегам проявилась у Дорин, когда та жила у двоюродной сестры в Мидленде. Там она встретила Артура, и тот влюбился в нее по уши. Предложил сыграть свадьбу, даже зная, что она беременна от другого мужчины. Редко кому из незамужних девчонок с чужим ублюдком в животе улыбается такая удача. Дорин искренне любила новоиспеченного мужа, но ветреного сердца ему так и не отдала. После моего рождения она окончательно убедилась, что оседлая семейная жизнь не для нее – ей подавай бурные страсти.

Поэтому она вернулась к Кеннету – разумеется, без меня. Тот продолжил ее избивать, и когда становилось совсем невыносимо, она убегала к нам обратно. Так и металась всю жизнь между двумя семьями.

– Ты уж не вини ее, мальчик мой. Она ничего не могла с собой поделать, – добавила Мейзи. – Славная была девчушка, да жизнь ее испортила. Есть у меня подозрение, что в детстве над ней измывался папаша. Ну, ты понимаешь, о чем я... Поэтому она думала, что не заслуживает любви. Старалась исправиться и перевоспитать Кенни, но тот с рождения был подонком. Натуру не переломить.

– Да, Мейзи, вы правы, – подумал я, поймав свое отражение в окне кафетерия.

Когда мы прогнали Дорин, ей оставалось лишь вернуться в Лондон.

– Она понимала, что Кенни рано или поздно ее убьет, – пояснила Мейзи, – но идти больше было некуда.

Когда случилось неизбежное, ее друзья не знали, как связаться со мной и Артуром. За душой у Дорин не осталось ни пенни, поэтому им пришлось скинуться и оплатить похороны, иначе ее отправили бы в могилу для нищих.

– Я часто вспоминаю твою мамашу, – добавила Мейзи, вытирая глаза. – Жаль, что мы не смогли ей помочь.

– Да, Мейзи. Мне тоже.

19:50

Территория кладбища Боу была поделена на квадратные сегменты, поэтому могилу матери удалось сыскать довольно быстро. Ее имя, даты рождения и смерти, а еще надпись «Упокой, Господь» – вот и все, что было высечено на бетонном надгробии.

– Лэнг, – повторил я вслух.

Я даже не знал ее фамилию.

Я вырвал сорняки и высокую траву, разровнял руками камешки, потом лег на скамью рядом, впитывая царившее вокруг тревожное спокойствие. Я решил в тот вечер составить матери компанию, потому что слишком много времени она провела в одиночестве.

Мои отцы жили в совершенно разных мирах, которые соприкоснулись лишь стараниями матери. Они оба ее любили, любили очень сильно, хотя по-разному воспринимали ее переменчивую натуру.

Дорин и Кеннет... Как ни пытался я стать не таким, как люди, которые меня породили, в итоге стал только хуже.

8 июня, 15:10

– Какого хрена тебе надо? – насмешливо хмыкнул Кеннет.

Я не ответил. Уселся неподвижно, положил ладони на столешницу и взглянул на него без всякого страха.

– Ну? Что, извинений ждешь? Жди, жди, ни хрена не дождешься.

Кеннет Джаггер сидел за металлическим столом в комнате для посетителей тюрьмы Вормвуд-Скрабс, вызывая скрестив на груди руки. Правда, для гонора у него уже не было причин, потому что с момента нашей последней встречи он изменился до неузнаваемости.

Безжалостный рак изгрыз ему кости и сожрал половину веса. Щеки впали, зубы от химиотерапии раскрылись до коричневых пеньков. Татуировки, некогда гордо темневшие на жилистых руках, теперь размазались и обвисли, потому что мышцы под ними сдулись. Имя Дорин с багряным сердцем затерялось под толстыми рубцами, будто он пытался срезать буквы лезвием. Глаза, которые некогда горели, требуя уважения, теперь потухли, потеряв всякую надежду.

– Не трать попусту мое время, – фыркнул он.

– Да, у тебя его немного осталось, – ответил я.

Кеннет бросил на меня такой взгляд, что в тринадцать лет я умер бы на месте.

– Спрашиваю в последний раз: зачем пришел?

Я пришел, чтобы узнать, как близко мое гнилое яблочко упало к трухлявому пню. Я потратил немало сил, пытаясь разорвать нашу биологическую связь, но в конце концов, как оказалось, ушел от него не очень далеко.

– Ну, и каково это – убить мою мать? – спросил я.

Кеннет ожидал чего угодно – только не такого вопроса. Я должен был спросить: «Почему ты это сделал?» или «Как ты мог?» – но не допытываться, что чувствуешь, когда отнимаешь у человека жизнь.

– Это была самооборона, – ответил он наконец. – Сучка пыталась меня зарезать.

– Я о другом спрашиваю.

Кеннет нахмурился, не понимая, как вести себя с собственной кровью и плотью.

Пришлось повторить:

– Я хочу знать: каково это – убить мою мать?

– Зачем тебе?

– Просто хочу.

Выцветший прищуренный взгляд крепко сцепился с моим.

– Что с тобой случилось? – спросил он в ответ.

– Я тебя больше не боюсь.

– А надо бы...

Я покачал головой.

– Кеннет, посмотри на себя... Кому ты теперь опасен? Твое время прошло. Ты – жалкий умирающий старик, и запомнят тебя как последнюю шваль. А теперь, будь добр, ответь на мой вопрос. Каково это – убить мою мать?

Сперва Кеннет хорохорился и делал вид, будто по-прежнему герой. Однако угрюмой гримасы сдержать не смог. Краем глаза я глядел, как большая стрелка настенных часов дважды обошла циферблат по кругу, – и наконец он заговорил. Вся его бравада рассыпалась. Руки опустились, плечи поникли. Кеннет вдруг устал бороться и понял, что я единственный человек, которому есть до него дело. В определенной степени он был даже рад излить мне душу.

– Это самое мерзкое чувство на свете. А я в своей жизни натворил немало дерьма... – Кеннет откашлялся и поднял голову, перехватывая мой взгляд. – Ее будто убивал кто-то другой, а я стоял и смотрел со стороны, не вмешиваясь. Я ведь любил ее, но не мог удержать рядом. Она опять решила уйти к вам.

– Зачем?

– Жутко жалела, что тебя нет в ее жизни. Я сказал, чтобы она не смела ехать, но разве она меня послушала? Моя Дори никого не слушала... Взяла и начала паковать чемодан. – Глаза у него взмокли. – Я схватил ее за руку, а она вдруг заявила, что «и так потратила на меня слишком много времени». Я ударил ее, потом еще раз – и уже не сумел остановиться. Я не мог отдать ее тебе.

Я сидел молча, переваривая его слова. Злости к Кеннету я не испытывал – потому что и сам слишком много сил потратил на ненависть к женщине, с которой пытался построить свою жизнь и получить взамен хоть что-то. В какой-то степени я его даже понимал.

– Спасибо, – сказал я в итоге. – Я кое-что тебе принес.

Я огляделся: не смотрит ли охрана, закатал рукав рубашки, снял часы, которые когда-то подарила мне Дорин, и положил на стол перед Кеннетом.

Тот прикрыл их рукой.

– Забери.

– Они мне не нужны.

– Она ведь тебе их купила, да?

– Нет, я их сам достал.

Наверное, имелось в виду, украл.

– И она, не спросив тебя, отдала мне?

Кеннет опустил голову и отвернулся. Кажется, я неправильно его понял.

– Ты сам пожелал, чтобы она мне их отдала? – удивился я. – Ты ведь терпеть меня не мог! Хотел, чтобы она от меня избавилась.

– Я не хотел ребенка, чтобы тот не стал таким же, как я. Что я мог предложить сыну? Ты – единственное, что у меня получилось хорошего.

Я помолчал: пусть недолго побудет в мире иллюзий. Потом заговорил снова:

– Кеннет, если б ты только знал, как ошибаешься...

Я перегнулся через стол, чтобы никто не слышал, и прошептал ему на ухо несколько слов. Кеннет хмуро и даже испуганно на меня уставился.

– Теперь ты знаешь, что «единственное в твоей жизни хорошее» – не просто точная копия отца. Твой сын намного хуже.

– Какая же ты тварь!.. – выдавил он.

– Яблочко от яблоньки... Оставь часы себе, пусть положат с тобой в могилу. И чем раньше, чем лучше.

Повернувшись к отцу спиной, я вышел.

КЭТРИН

Нортхэмптон, двадцать пять лет назад

6 июня, 8:45

Я вынула пробку из бутылки вина и плеснула немного в грязную кружку, вытащив ту из горы немытой посуды в раковине. Потом достала из шкафчика пузырек с аспирином и выпила сразу три таблетки – может, хоть так сумею унять головную боль, которая терзает меня вторую бессонную ночь подряд. Судя по тяжести пузырька, он был практически полон, и я невольно задумалась, сколько штук надо проглотить, чтобы больше не мучиться.

Устало оглядела кухню... какой здесь бардак! Впрочем, не только здесь. Бардак царил во всем доме. И в моей жизни последние два дня. Я совсем расклеилась.

На людях я старалась держаться, но, оставшись одна, понемногу сходила с ума. Я никому не рассказывала, как меня тошнит от мыслей, что могло случиться с Саймоном. Как я вздрагиваю всякий раз, когда слышу телефонный звонок или шаги за дверью. Как живу на адреналине с кофеином, а гудящая голова требует хоть на минутку лечь в постель.

В здравом рассудке меня удерживало лишь одно – дети. Они единственные не знали о пропаже Саймона, и я старалась сделать так, чтобы они как можно дольше оставались в неведении. Хотя это было непросто – у их друзей многие родители взяли выходной, чтобы участвовать в поисках. Скоро дети все узнают. И что мне им говорить? По идее, родители должны знать ответ на любой вопрос. Вот только у меня ответов не было.

По словам Роджера, после пропажи особенно важны первые трое суток – именно в этот срок чаще всего удается разыскать человека живым.

Еще чуть-чуть – и надеяться будет не на что.

Поэтому я стискивала кулаки и молилась, чтобы Саймон нашелся. Офицер Уильямс, пряча гадкую улыбку, заявила, что, если до наступления темноты он не объявится, полиция свернет поиски. Господи, сколько еще близких людей мне предстоит потерять, прежде чем небеса надо мной смилуются?

Я вдруг осознала, что до сих пор сжимаю в кулаке пузырек с аспирином, и безгласно бросила его в ящик, презирая себя за трусливые мысли. Допила остатки вина, положила кружку обратно в раковину и пошла наверх в душ. Там, под теплыми струями, съежилась на полу и принялась рыдать. Я плакала до тех пор, пока вконец не промокла – не только от воды, но и от слез.

15:35

Хотя этого следовало ожидать, мальчики все равно застали меня врасплох.

– Амелия Джонс сказала, что папа пропал! – крикнул Джеймс, выбегая из школы. – Это правда?

Его зеленые глаза горели от страха. Робби тоже выглядел напуганным.

Нельзя им врать, они должны знать правду.

– Сейчас зайдем домой, возьмем рыболовные снасти и пойдем к ручью, – ровным голосом сказала я. – Там и поговорим.

Послеполуденное солнце спряталось за большим облаком в форме дракона. Мы вчетвером, включая Оскара, гуськом пошли к деревянному мосту над водой.

Я нарочно выбрала место, которое у них в сознании прочно ассоциировалось с отцом, чтобы хоть немного смягчить удар. Саймон часто водил детей сюда, притворяясь, будто они ловят рыбу. Мальчики вытаскивали из воды воображаемых пескарей с карасями, бросали в невидимое ведро и приносили домой, а я тоже разыгрывала пантомиму, восторгаясь их богатым уловом.

Мы сели, сделали вид, будто закидываем удочки с сетями, и я осторожно принялась объяснять, что их отца какое-то время не будет дома.

– Куда он делся? – спросил Джеймс, нахмутив брови, точь-в-точь как Саймон, когда чего-то не понимал.

– Я не знаю.

– А когда вернется?

– Не могу сказать, милый мой.

– Почему?

– Потому что не могу. Папа ненадолго уехал, и я не знаю, когда он вернется.

– А почему не знаешь? – не сдавался Джеймс.

– Просто не знаю. Извини. Мы не можем его найти, но я уверена, что он про нас не забыл.

– Ты ругаешь нас, когда мы не говорим, куда уходим, – тихонько начал Робби. Я кивнула. – Значит, папу ты тоже будешь ругать?

– Да, – соврала я.

Хотя ругать я Саймона ни за что не стану. Только обниму крепко-крепко и больше никогда не отпущу.

– Он ушел к Билли? – спросил Робби, и у него затряслись губы.

Я сглотнула комок в горле.

– Нет. Ни в коем случае!

Я не знала, где он. Могла лишь молиться, что не с Билли.

– Откуда тебе знать? – нахмурился Джеймс.

Я смотрела вдаль, туда, где ручей сливается с полями, и молчала. Мальчики рыбачили в полной тишине, забыв про улов и переваривая мои слова в своих маленьких головенках. Никто из нас не хотел представлять себе жизнь без Саймона.

20:10

Я сидела на стуле во внутреннем дворике, закутавшись в темно-синий свитер мужа, и ждала, когда день сольется с сумерками. Радиотелефон, который Пола купила по моей просьбе, лежал на расстоянии вытянутой руки. Молчал, как и весь мир вокруг. Компанию мне составляли только мотыльки, плясавшие возле свечки в марокканском фонарике. Бесцельно и бес толково – совсем как я.

Я старалась подбодрить себя, вспоминая глупости, которые творил Саймон, чтобы вызвать у меня улыбку: он то гавкал по-собачьи, то танцевал со мной на кухне под старые песни, то надевал одно из моих платьев, чтобы повеселить друзей, приглашенных к нам на ужин. Иногда он вел себя до ужаса глупо, и теперь я молилась, чтобы этот глупыш поскорей вернулся домой.

Я перелила последние капли красного вина из бутылки в бокал и стала ждать дальше.

Без разницы, что говорит офицер Уильямс: я слишком хорошо знаю Саймона, чтобы думать, будто он от меня ушел. То, как он поддерживал нас, когда мы переживали самый страшный кошмар в жизни любой семьи, лучше любых слов доказывало, что он прекрасный муж и чудесный отец. Я должна верить, что он жив.

Пятнадцать месяцев назад мы разделили общее горе. Теперь нас настигло новое испытание, и я могла лишь одно – лить слезы по человеку, чья участь была мне неизвестна.

Нортхэмптон, наши дни

8:30

Саймон вцепился в мягкие края фетровой шляпы так крепко, что, казалось, вот-вот ее порвет. Однако сил разжать пальцы не было.

Кэтрин обернулась, закрыла за собой дверь и прошла в середину гостиной, стараясь не встречаться с ним взглядом. С годами она не потеряла прежней грации. Саймон не узнавал гусиные лапки вокруг холодных глаз, а морщины на лбу стали глубже, но это не имело значения. Ее красота, хоть и обрела новые формы, ничуть не потускнела. Седые волосы лежали прядка к прядке, будто мазки на картине маслом, и казались еще живописнее оттого, что не были испорчены красками. Несмотря на возраст, Кэтрин не увядала, и рядом с ней он чувствовал себя потасканным и пыльным.

Что до Кэтрин, ей было что сказать, но она не знала, с чего начать. Поэтому молчала, крепко сжимая пальцы, чтобы он не видел, как они дрожат. Смотреть на Саймона не хотелось, однако удержаться она не могла. Поэтому украдкой скользнула по нему взглядом.

Лицо с годами отекло, щеки обвисли. Талия расплылась, хоть ее удерживал кожаный ремень. Ноги, как ни странно, казались крупнее прежнего.

Взгляд буквально приклеился к нему – словно стоит отвести глаза, и он пропадет. Если Саймону суждено опять исчезнуть, пусть это случится в ее присутствии. Сколько лет прошло с тех пор, как она последний раз видела его на одной из старых фотографий, которые валялись теперь где-то на чердаке? Кэтрин забыла, каким он был красивым. Да и сейчас не утратил мужской привлекательности, как ни хотелось обратного.

Саймон оглядывал гостиную и вспоминал, как здесь было в прежние времена. Планировка выглядела знакомой, хотя обои, ковры и мебель давно сменили. Коттедж казался совсем крохотным по сравнению с виллой, которую он теперь называл своим домом.

– Ты не против, если я сяду? – спросил он.

Кэтрин промолчала, но Саймон все равно сел.

На комодѣ стояли рамки с фотографиями; без очков он не мог разобрать, кто на них изображен. С памятью было так же – он пытался вспомнить лица детей, однако их размазывало, стирая черты. Ну, кроме Джеймса. Саймон знал, каким стал его старший сын, и уже никогда его не забудет.

Молчание длилось дольше положенного. Как незваный гость, он обязан был заговорить первым.

– Отлично выглядишь.

Кэтрин скорчила презрительную гримасу, но Саймона это не смутило. К такому отношению он был готов.

– Мне нравится, как ты тут все переделала.

И снова в ответ молчание.

Он глянул на каминную решетку и дровяную печь, которую они с великим трудом установили вскоре после переезда.

– О, эта штука еще работает? Помнишь, как мы чуть не спалили весь дом, потому что забыли прочистить дымоход и...

– Хватит, – перебил его резкий голос, мешая предаваться светлым воспоминаниям.

– Извини. После стольких лет...

– Я сказала, хватит. Ты не появлялся в моем доме двадцать пять лет, и не надо делать вид, будто мы давние друзья.

– Извини.

Комнату заполонила тревожная густая тишина.

– Чего тебе надо? – спросила Кэтрин.

– Чего мне надо?

– Именно это я и спрашиваю. Чего тебе от меня надо?

– Мне ничего от тебя не надо, Китти.

Это было правдой лишь отчасти.

– Ты давно не имеешь права так ко мне обращаться.

Саймон кивнул.

– И избавь меня от своих извинений, – продолжила Кэтрин. – Мало того, что они запоздали, так еще и никому не нужны.

Саймон десятки раз прокручивал в голове эту сцену, прежде чем попросил Луку заказать билеты. Что будет при встрече: она упадет в обморок, или даст ему пощечину, или кинется на шею, или закричит, или заплачет, или просто откажется пускать его на порог? Были сотни вариантов – но почему-то такой ледяной враждебности он не предвидел.

И не знал теперь, как реагировать.

– Зачем ты пришел? – спросила Кэтрин. – И где, черт возьми, ты был, пока я искала твой труп?

Глава 4

САЙМОН

Кале, Франция, двадцать пять лет назад

10 июня

Вчера вечером в кузове грузовика я впервые узнал, что меня укачивает. Тошнило без устали. Желудок буквально выворачивало наизнанку.

Водитель предупреждал, что переправа займет около двух часов, но шторм внес в расписание свои коррективы. Равнодушный Ла-Манш швырял наш паром, как тряпку. Нашупав в крошечной тьме путь, я забился между двумя ящиками, привязанными к бортам грузовика.

Прошлые я похоронил с костями матери, но сбросить кожу по-настоящему, стать свободным и раскрепощенным я сумею только вдали от привычных мест. Франция казалась самой очевидной отправной точкой. Однако встал вопрос, как добраться до нее без паспорта и денег. На выручку пришел один усталый водитель с прокуренными усами, не любивший бюрократию. Он предложил неплохое решение.

Днем водитель подобрал меня возле Мейдстоуна. По дороге мы обсудили британский футбол и коррупционную политику консерваторов. Я объяснил, куда направляюсь, а он ни разу не спросил, зачем мне в другую страну и как я намерен пересечь границу без денег.

Как выяснилось, водитель сделал вполне очевидный вывод.

– Я тоже в свое время отсидел, – сказал он, сворачивая сигарету. – Если ты никого не убивал и не трогал детей, отвезу тебя во Францию.

Перед таможенным контролем водитель запер меня в кузове, велел спрятаться за деревянными ящиками. С собой дал фонарик, банку пива из супермаркета, кусок домашнего сыра и бутерброд с чатни⁶. Правда, мне стало не до еды, когда разыгралась буря.

Наконец паром зашел в порт.

– Нет, вы только гляньте на него, – хохотал водитель, выпуская меня на стоянке возле французского гипермаркета.

Он подержал меня за руку, пока я нащупывал нетвердыми ногами почву. Испачканную рвотой одежду я снял и бросил в мусорный бак, залез в одних трусах в кабину и там переоделся в новые вещи, которые прихватил из чужой сумки, когда ночевал в лондонском приюте для бездомных.

– Ну, чем мог – тем помог, – сказал водитель. – Удачи тебе, сынок.

– Спасибо. Кстати, не расслышал: как тебя зовут?

– Да просто – Мозес, – усмехнулся тот в усы и неторопливо отошел.

Когда грузовик скрылся из виду, я достал из кармана и принялся пересчитывать стопку французских франков, вытасненных из бумажника на приборной панели.

Сен-Жан-де-Люз, Франция

17 июня

Волны хмурого Атлантического океана плескались у моих ног. Волоски на пальцах щетились колючками морского ежа. С наступлением ночи в небо устремились кружащие лучи двух маяков. Гавань обрамляли три бетонных стены, не дающие воде встретиться с горизонтом. Несколько виндсерферов вдали, так и не поймав в паруса ветер, плыли на досках к берегу.

Не знаю, сколько дней ушло на то, чтобы добраться с севера Франции на юг – без часов Дорин время утратило смысл. Минуты сливались друг с другом, как цвета на радужной фут-

⁶ Вид соусов индийского происхождения, также использующихся как намазки.

болке. Я подолгу топтался на французских обочинах, высматривая за ветровыми стеклами дружелюбных водителей, или ехал на поезде, прячась от контролеров в туалете.

В эти дни, полные одиночества, в голове часто всплывали лица тех, кого я оставил. Как без меня справляется Кэтрин? Рассчитывает ли на мое возвращение? Хорошо бы поскорей стереться из ее памяти.

Впрочем, я признавал, что такие мысли надо пресекать в зародыше. Если пускать их в голову, они будут только мешать. Поэтому я приучал себя думать только о будущем, а не о прошлом – особенно о Кэтрин. Как только в голове прорастали семена сомнения, я безжалостно их выкорчевывал. Напоминал себе, что эти мысли – не мои, они принадлежат другому человеку, которого больше нет.

Разумеется, я не мог контролировать все, о чем думаю, но в основном мне это удавалось. К тому времени, когда я сошел на берег в Сен-Жан-де-Люз, процесс был почти отлажен. Главное – сосредоточиться на текущем моменте. Чтобы было проще, я создавал себе новые воспоминания, жадно впитывая все, что видел и чувствовал с момента прибытия.

Первым делом я вдохнул соленый морской воздух и принесенные ветром запахи из кулинарии неподалеку. Мысленно отметил, что гавань с пляжем похожа на огромную беззубую ухмылку – и сам невольно улыбнулся в ответ. Прошелся по городу – оказывается, историческая архитектура Сен-Жан-де-Люз сохранилась в первозданном виде. Увидел баскскую церковь и, разумеется, зашел внутрь.

Передо мной разлегся океан; слева – испанская граница и могучие Пиренеи, а позади – вся Франция. Я мог выбрать любое направление, и никто меня не поймал бы. Именно здесь было проще всего начать жизнь с чистого листа.

До сих пор я мылся в грязных раковинах на автостоянках или вокзалах, поэтому сейчас поспешил спуститься по бетонным ступенькам к воде, сбросил пропахшую потом одежду и в одних трусах нырнул в океан.

Соль щипала глаза. Я лег лицом вниз, цепляясь за морское дно, которое утекало сквозь пальцы. Подплыл к белому металлическому буйку, плясавшему под натиском волн, ухватился за него и осмотрел береговую линию.

Потом с головой ушел под воду, и грохот волн, сражавшихся с приливом, заполнил мне уши. Я не выныривал на поверхность, пока не счел обряд крещения завершенным.

В гавани былолюдно: лодки и траулеры, как на открытках, неспешно ползли к берегу после рыбалки. От вибрации их двигателей по рукам и ногам бегали приятные мурашки: нервы возвращались к жизни. Закрыв глаза, я перевернулся на спину и медленно поплыл к пляжу, чтобы высушить обновленную кожу в лучах заходящего солнца.

Отчего-то я верил, что в новой жизни меня ждет только хорошее.

28 июня

Дым французской сигареты смешался с горящей смолой каннабиса и поплыл сквозь ноздри глубоко в легкие. Откинувшись на локти, я поглубже зарылся в песок и задержал дыхание, смакуя кайф.

– Забористая хрень, чувак, – сказал Брэдли, скрещивая ноги.

– Ага, – ответил я, не глядя на него и полуприкрыв веки.

Немного зная французский и пользуясь дружелюбием местных жителей, я добрался до туристического хостела на рю-дю-Жан. В отличие от ухоженных зданий на берегу, «Рутар интернациональ», расположенный в глубине города, выглядел довольно ветхим и затасканным. Оливково-кремовый фасад облупился и перхотью летел на тротуар.

Внутри на черно-белых фотографиях, неаккуратно расставленных на стойке регистрации, можно было увидеть его блестящее прошлое как отеля «Пре де ля Кот»⁷ – сверкающего трехэтажного здания в стиле ар-деко⁸. Теперь же геометрические витражи спрятались за дешевыми шкафами и комодами. От былой элегантности и стильного модернизма не осталось и следа. Мраморные плиты со стен бального зала валялись разбитыми вокруг рояля на двух сложенных ножках. Из роскошного некогда места отель превратился в задрипанный хостел.

Денег Мозеса хватило, чтобы оплатить койку в общей комнате на неделю. За несколько ночей в лондонском приюте для бездомных я привык к чужому бормотанию во сне, храпу и вони шести тел в замкнутом пространстве.

В основном здесь жили молодые путешественники из Европы, желавшие поплавать на пляжах подальше от гламурных Канн и Сен-Тропе. Я был значительно старше них, но всегда выглядел моложе своего возраста, так что скостил себе десяток лет. Успев по дороге загореть дочерна, я теперь выглядел настоящим крепышом, хотя за последние дни немного отошал, поскольку питался чем придется.

Я свел знакомство с парнями, которые говорили на незнакомых мне языках. Объясняясь на мешанине немецких, итальянских, французских слов и пафосных жестов, мы тем не менее каким-то чудом умудрялись понимать друг друга.

Первые дни я пытался найти работу: любую, самую черную; был готов даже мыть тарелки в прибрежном кафе или наняться на рыбацкое судно. Но в городе предпочитали брать местных жителей, и англичане не могли найти себе применение. Так что я решил повременить с работой и пока приглядеться к окрестностям. Моя страсть к архитектуре никуда не делась, а здесь меня ждало настоящее раздолье: например, отель «Гольф» Уильяма Марселя эпохи до Первой мировой или охристо-красный загородный клуб в Шантако, о котором я читал еще в журналах моего отца.

Вечерами я слушал, как обитатели гостиницы вспоминают былую жизнь, хотя сам о прошлом старался не говорить. По легенде, я недавно закончил университет и решил поколесить по Европе, чтобы повидать мир вживую, а не только на картинках.

История получилась правдоподобной, и я повторял ее так часто, что и сам начинал в нее верить.

30 июня

– Надо было сразу сказать, что ищешь работу, – сказал Брэдли, здешний менеджер, американец по происхождению.

Он был дружелюбным парнем лет тридцати с небольшим, с волосами до плеч, с проседью и бакенбардами, как у Элвиса. Соленый загар серфера прочертил у него на лице глубокие белые морщины и состарил раньше времени.

– А у вас есть вакансии? – встрепенулся я.

– Не сказать, чтобы хорошие, но нужен вахтер: следить за порядком и по случаю выполнять кое-какую мелкую работенку. Платить будем немного, зато койка и еда за наш счет.

Это был идеальный вариант, и я приступил к работе на следующий же день. Оказалось, что у должности вахтера есть и другие преимущества, о которых я поначалу не знал. Я получил доступ к шкафу с забытой одеждой, мог брать книги с полки для бук-кроссинга и упражняться в языках, болтая со здешними обитателями.

Я подмазывал стены свежей краской, менял расшатанные половицы, убирал блевотину в туалетах и встречал новых гостей. При всем этом оставалось время на серфинг, который я

⁷ «У берега», «Прибрежный» (фр.).

⁸ Ар-деко – стиль на стыке модерна, неокласски и аванграда, популярный между мировыми войнами.

освоил стараниями Брэдли. Научившись стоять на доске, я перешел к подводному плаванию, затем увлекся конными походами по соседним предгорьям.

Особенно мне нравились вечера: когда рабочий день подходил к концу, я в компании Брэдли шел на пляж полюбоваться закатом и разделить на двоих «косяк», а потом пропустить пару стопок «Джека Дэниэлса» с колой в одном из прибрежных баров.

Я быстро привык к новому образу жизни и, надежно спрятав свой багаж в дальний уголок сознания, наслаждался каждой минутой размеренного существования, о котором прежде не смел и мечтать.

Для посторонних глаз, да и для своих собственных, я был начисто лишен отчетливой сути.

КЭТРИН

Нортхэмптон, двадцать пять лет назад

17 июня

– Просто скажи нам, где он! – рявкнула Ширли.

Схватив свекровь за плечо, я вытолкнула ее за дверь и заорала в ответ:

– Пошла вон.

Наши раздраженные голоса эхом разносились по всему дому.

Последние полчаса отец с мачехой Саймона засыпали меня вопросами и обвинениями, и я не выдержала. Нервы у меня и без того были в клочья.

Я думала, они заявятся раньше. Видимо, сперва им было не до того: они строили предположения, отчего их сын растворился в воздухе. И наконец решили, что это всецело моя заслуга.

Эти двое, слава богу, приехали засветло, так что я на всякий случай спровадила детей в сад. Потом, глубоко вдохнув, отправилась в гостиную, как на казнь. Артур и Ширли уже поджидали меня, сидя бок о бок и вызываясь скрестив на груди руки.

– Простите, что не рассказала вам о Саймоне, – начала я. – Не хотела тревожить раньше времени.

– Думаешь, приятно было узнать о пропаже сына от полиции? – процедила Ширли. – Ты должна была немедленно нам сообщить!

– Да, знаю. Поэтому и извиняюсь. Но я попросила сказать Роджера, а он лучший друг Саймона, так что вам сообщили не посторонние люди. И мне очень не хотелось бы разводить сейчас пустые споры. И без того две недели тошно.

– Да, наверное, противно ходить с детьми в кино, когда их отец, скорее всего, валяется где-то мертвым, – съязвила она.

– Ширли, все было совсем не так. В кино мы ходили один-единственный раз, потому что так посоветовал Роджер. И это мои дети, поэтому мне решать, что для них лучше. Не лезь.

Ширли не имела права втягивать детей в наши разборки, тем более что бабушка с дедушкой из них с Артуром были никудышными. Они жили рядом, в соседнем городке, но ни разу не предложили посидеть с внуками или забрать их из школы. Они не предложили своей помощи даже после похорон. Сочувствия – и того не выразили.

Я всегда считала, что они держатся особняком из-за меня. Саймон оставался для них мальчиком, который обожал документальные фильмы Алана Викера⁹ и мечтал своими глазами увидеть все архитектурные шедевры мира, однако в двадцать три года вдруг повесил себе на шею жену и детей. Еще до свадьбы он пытался убедить родителей, что всю жизнь мечтал о большой любящей семье, но они хотели для него совсем другого будущего.

⁹ Алан Дональд Викар (1921–2013) – британский журналист и телеведущий, автор документального сериала «Мир Викера» (1958–1994), включавшего острые репортажи со всего света и интервью со многими знаменитостями – от звезд музыки и кино до осужденных преступников и диктаторов.

Отношения с Ширли у него всегда были непростыми. Эта высокая шумная блондинка ураганом ворвалась в жизнь Артура вскоре после того, как тот выставил Дорин за порог. Мы тогда были подростками. Саймон частенько ныл, что Ширли заставляет его делать уроки и ругает за сигареты. В то же время она обстирывала его и кормила, ничего не требуя взамен. Возможно, Саймон не любил мачеху, и все же на ее примере он увидел, какой должна быть настоящая мать. Я никогда не признавалась вслух, но в глубине души завидовала, что у него есть любящие родители.

Артур и Ширли недоумевали: почему Саймон после всего, что натерпелся от Дорин, тоже решил уйти из семьи? И пришли к единственно разумному выводу: это я его заставила.

– Может, ты говорила, что он мало зарабатывает? – неловко начал Артур.

– Нет, не говорила.

– Ты его хоть поддерживала? – поинтересовалась Ширли.

– Разумеется, поддерживала.

– И он всерьез захотел столько детей?

– Да, Ширли. Я же не сама беременела.

– Ты могла его обмануть. Многие женщины так делают.

– Что, все четыре раза?

– Тогда почему он ушел?

– Он не ушел, он пропал. И наши дети здесь ни при чем!

Я достала из шкафа бутылку вина и налила себе, им не предлагая. Они неодобрительно переглянулись, но мне было плевать. Я выразительно сделала большой глоток, чтобы поставить в разговоре точку.

– Ты правда не знаешь, где он? – спросила Ширли.

– Что за вопросы? – удивилась я. – Думаешь, мы тогда сидели бы здесь и разговаривали?

– Кэтрин, пора все нам рассказать. Хватит уже издеваться. У Саймона есть другая женщина? В этом вся причина? И он сейчас у нее? Перестань ломать комедию, ты ведь мучаешь наших внуков. Хватит потакать собственной гордости и делать вид, будто он исчез.

– Что за глупости! У него никого нет. С чего ты решила, что я не думаю о детях?!

– Многие женщины пытаются сохранить семью, – вставил Артур. – Но, когда муж уходит, не разыгрывают спектакль и не делают вид, будто он пропал.

– Кто бы говорил! Разве не ты рассказывал байки, будто Дорин уехала в Эфиопию миссионеркой?

Он побагровел.

– И если Саймон меня бросил, почему он ничего не сказал вам? – продолжила я. – Получается, он бросил и вас?..

– А записку на прощание он оставил? – перебила Ширли.

Я зарычала.

– Вы вообще меня слышали? Повторяю: Саймон не ушел. Он исчез. Полиция объявила его пропавшим без вести. Что еще вам нужно?

Ширли встала.

– Извини, что спрашиваю, Кэтрин... Ты ничего с ним не сделала?

Я опешила. Пришлось уточнить, искренне недоумевая:

– Что, например?

– Может, вы поругались, и ты в пылу ссоры нечаянно толкнула его... Я не хочу сказать, что намеренно, но...

– А потом вместе с детьми замотала его в старый ковер и закопала в саду, так, что ли?..

Ширли, хватит смотреть детективные сериалы, это уже слишком.

– Мы имеем право знать правду. Он наш сын! – зарычала она.

– Тебе он не сын, – огрызнулась я. – В первую очередь он мой муж, и больше всего здесь страдаем мы с детьми. А от тебя никакой помощи. Только делаешь хуже, обвиняя меня в убийстве... По-твоему, я такое чудовище?

Повисло многозначительное молчание.

– Если он жив, выходит, он тебя бросил, – сухо резюмировала Ширли. – И, если честно, я совсем не удивлена.

Артур, бесхребетная марионетка, послушно закивал.

– Странно только одно, – продолжила она. – Почему это не случилось раньше? Я всегда говорила, что сломанного не починишь.

Ошарашенная ее словами, я краем глаза заметила на нижней ступеньке лестницы Робби – тот сидел и внимательно слушал, как издеваются над его матерью.

– Пошла вон! – взревела я, хватая Ширли за руку. – Чтобы я тебя в своем доме больше не видела!

– Просто скажи нам, где он! – крикнула Ширли, пока я выпихивала ее за дверь.

Артур неловко прошмыгнул вслед за ней.

– Проваливайте! – заорала я, с силой вытолкнув их на крыльцо. Захлопнула дверь, щелкнула всеми замками и навесила цепочку. Несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, прежде чем идти к сыну, хотя сердце все равно колотилось как бешеное.

– Папа нас больше не любит? – спросил Робби, убирая волосы, прилипшие к мокрым щекам. – Поэтому он и ушел?

Выдрать бы бабку с дедом за то, что внушили ему эту идею. Я встала на колени, взяла сына за руки и заглянула ему в глаза.

– Робби, обещаю: где бы папа ни был и что бы с ним ни случилось, он никуда не уходил. Он любит нас всем сердцем.

Робби настороженно посмотрел на меня, встал и шагнул на ступеньку выше.

– Ты врешь, – тихо сказал он. – Это ты заставила папу уйти.

А потом развернулся и убежал в свою спальню.

Слова Артура и Ширли меня задели мало. Но услышать, как мой собственный сын сомневается в родной матери, – это было уже слишком. Надо пойти за ним, объяснить, что Саймона никто не выгонял. Однако после скандала со свекровью и свекром я осталась совершенно без сил.

Поэтому я налила еще вина, села за стол и обхватила голову руками, давя в себе желание перебить всю посуду на кухне.

25 июня

Оранжевая ваза на полке затряслась – значит, к дому подъехала полицейская машина. Я уже привыкла, что их автомобили гудят по-особенному и от гула дребезжат половицы. По спине побежали мурашки: я боялась услышать новости.

Как правило, мне докладывали о результатах поиска или задавали новые вопросы, на которые ответить было нечего. Страшнее всего, когда приносили пластиковые пакеты с обрывками найденных вещей. Платок, шляпа, носок, ботинок... Список предметов, которые предстояло опознать, ширился с каждым часом.

Рассматривая их, я всякий раз боялась произнести хоть слово – но ни один из предметов не имел никакого отношения к Саймону. Детективы с трудом сдерживали раздражение: мой положительный ответ приблизил бы их к раскрытию дела.

Постепенно поток обнаруженного хлама иссяк, и полиция приезжала все реже.

30 июня

Джеймсу восемь, Робби – пять с половиной, а Эмили почти четыре. Дети старались не упускать меня из виду: вдруг я тоже исчезну. Три пары глаз следили за мной из-за кухонных занавесок, даже когда я шла вынести мусор. Я обещала, что никуда не денусь; мне не верили.

Папы должны жить вместе с семьями, и когда дети узнали, что так бывает не всегда, то испугались, что мамы тоже могут пропадать. Порой хотелось сказать им, что Саймон ушел к Билли, как бы ни тошнило меня от этой мысли. Тогда детям было бы проще смириться с его пропажей. Однако, что бы ни творилось у меня в душе, приходилось держать лицо и делать вид, будто все идет как надо.

Эмили, по правде, даже нравилось, что у нас часто бывают гости и ее все время тискают. Люди таяли при виде огромных голубых глаз и глупой улыбки, особенно когда Эмили показывала на фотографию Саймона и бормотала: «Папочка ушел. Папочка больше не с нами». Я сочувственно кивала и старалась отвлечь ее игрушками.

Сложнее было с Робби. Они с Оскаром постоянно держались вместе, не понимая, что происходит. Я часто наблюдала, как мальчишки сидят вдвоем в саду за домом и глядят в поле: ждут, что Саймон сейчас выйдет из-за изгороди и объявит, что просто решил их разыграть. Каждый вечер, укладывая детей спать, я оставляла дверь Робби приоткрытой: пусть Оскар проберется в комнату и уснет у него в ногах.

Джеймс был точной копией отца: с такими же каштановыми кудрями, искоркой в зеленых глазах и заразительным смехом. Однажды ночью он разложил по всей спальне белые и коричневые ракушки, которые собрал на пляже в Бенидорме. Его приятель, Алекс, сказал, что если приложить их к уху и прислушаться, то можно услышать, как рокочет море.

Время от времени Джеймс поднимал ракушки и пытался расслышать голос Саймона: вдруг тот заблудился на берегу, не может найти дорогу домой и зовет на помощь. Я тоже однажды попробовала, но ничего не услышала: только эхо пустоты.

Нортхэмптон, наши дни

8:55

Кэтрин глядела на него с неколебимой злобой. Такое чувство за всю жизнь сумел вызвать в ней только один человек. Мужчина, которого она похоронила давным-давно вместе со своим мужем.

Лицо сводило судорогой, и не было таких слов, чтобы описать охватившие ее эмоции, когда Кэтрин слышала, чем он занимался в первые дни после своего исчезновения. Какие только версии она ни строила, но такая вероятность – что он просто решил устроить себе отпуск – не могла даже прийти ей в голову. Пока Кэтрин потихоньку сходила с ума, он грелся на пляже!

Что надо сделать, какие слова подобрать, чтобы Саймон понял, как рухнула в тот момент их жизнь? Он вил себе новое гнездышко, а она подбирала обломки. Даже если каким-то чудом вдолбить ему в голову все, через что она прошла, он не сможет уяснить, какой это ужас – потерять близкого человека. Поразительно, до чего легко он вычеркнул из своей жизни первые тридцать три года и тех, кто был неотъемлемой ее частью.

– Ты хоть задумывался, каково нам приходилось, пока ты покуривал «травку»? – спросила Кэтрин.

– Ну, не совсем так... И в то время, наверное, нет, не задумывался, – ответил он с предельной честностью. – Я решил, что меня объявили жертвой несчастного случая.

– Ты в самом деле взял и забыл о нашем существовании?

Саймон кивнул.

– Даже не вспоминал о нас на дни рождения или в годовщины? – не унималась Кэтрин. – Совсем?

– Сперва нет. Только так я мог двигаться дальше.

– Вот в чем между нами разница... Я без тебя и без детей не сделала бы ни шагу!

– Мне надо было уйти. Я здесь задыхался.

– Ох, только избавь меня от драмы! – Кэтрин фыркнула. – Если было так невыносимо, мог бы попросить о разводе. Разбил бы мне сердце, конечно, но я бы пережила. И ладно бросить меня – но детей?! Этого я никогда не пойму.

Голос задрожал, и Кэтрин через силу сглотнула. Много лет назад она поклялась, что не обронит по нему ни слезинки, – и не нарушит своего обещания даже теперь.

– Ты спросила, где я был, я ответил, – тихо сказал Саймон. – Не моя вина, что ответ тебе не понравился.

Кэтрин выразительно закатила глаза.

– Ах да, ты прав. Вина не по твоей части. Тебе это чувство незнакомо, так ведь?

– Я не хочу с тобой пререкаться, – с непробиваемым спокойствием ответил Саймон.

– А зачем ты здесь? Потому что я в таком бешенстве, что еле сдерживаюсь. А ты бесишь еще сильнее, когда рассказываешь о своих похождениях.

– Естественно, я о вас думал. Думал каждую минуту. Но, как я уже сказал, поначалу мне нельзя было заикливаться на прошлом. Поэтому я вас отодвинул. Прости, если это выглядит жестоко; я поступил так, как считал нужным.

Кэтрин недоверчиво покачала головой и вытерла руками щеки. Те горели огнем. Она подошла к окну и отперла щеколду, чтобы хоть немного разогнать давящую духоту в комнате.

Солнечные лучи упали ей на голову, и Саймону показалось, будто под ее волосами мелькнул шрам в форме полумесяца.

Кэтрин стремительно развернулась.

– Тебя от всех нас тошнило или только от меня? Что я тебе такого сделала? Или тебе приглянулась другая?

Саймон посмотрел в сторону камина, не готовый раньше времени пускаться в объяснения. И увидел знакомый предмет.

– О, это та самая штука, которую Байшали со Стивеном подарили нам на свадьбу? – спросил он, ткнув пальцем в круглую оранжевую вазу.

Опешив от столь внезапной перемены темы, Кэтрин кивнула.

– Как, кстати, Стивен? Уже вышел на пенсию?

– Да, вышел. Вашей фирмой теперь управляет один из его сыновей. А они с Байшали уехали на юг Франции. Странно, что вы не пересеклись где-нибудь на пляже. Было бы о чем поговорить...

Про Роджера Саймон не спрашивал. Еще не время.

– В любом случае, вряд ли ты воскрес исключительно затем, чтобы заглянуть ко мне на чай, – продолжила Кэтрин. – Поэтому говори, зачем явился, или проваливай.

– Сперва ты должна узнать, чем я занимался.

– Что, слушать очередные рассказы из жизни подростков? У меня нет на это времени.

Она подошла к входной двери и сделала вид, будто отпирает замки. Впрочем, то был пустой блеф. Кэтрин слишком долго ждала ответов, чтобы взять и выставить его за порог.

– Кэтрин, пожалуйста. Ты должна знать, что со мной было. А я хочу знать, что было у тебя.

– Как будто имеешь на это право!

– Не имею. Но столько лет прошло... Пора уже поставить точку.

«Хреновая будет точка», – подумала Кэтрин.

Она хотела знать только одно – почему? Даже после стольких лет Кэтрин все еще чувствовала себя виноватой. Никак не могла сложить цельную картинку – не хватало деталей, которые в одиночку не найти.

Поэтому она согласилась его выслушать. Лишь бы узнать, что произошло в тот роковой день.

Глава 5

КЭТРИН

Нортхэмптон, двадцать пять лет назад

17 июля

На рассвете меня разбудил грохот – кто-то размахисто колотил в дверь. Испугавшись до чертиков, я вскочила с кровати, выглянула в окно и увидела служебную машину Роджера, а еще – полицейский фургон. Во рту пересохло.

Я накинула халат и на трясущихся ногах выбежала в коридор, пока не проснулись дети. Тело нашли. Значит, Саймона и впрямь больше нет.

Роджер стоял, неловко опустив голову и стараясь не смотреть мне в глаза.

– Я знаю, что ты сейчас скажешь... – начала я.

– Можно войти?

– Вы нашли его, да? Просто скажи.

– Нет, Кэтрин, не нашли. Но мне надо с тобой поговорить.

Роджер вошел. Возле садовой калитки осталась толпа полицейских с фонариками, в комбинезонах и синих бахилах. На меня они не смотрели.

– Прости, это не моя инициатива, – смущенно начал Роджер. – Нам предложили новую версию, и старший следователь велел ее проверить.

– Ничего не понимаю.

Он помолчал.

– Мы получили наводку, что нужно обыскать ваш сад на предмет... недавних работ.

– Недавних работ? – переспросила я. – В смысле?

– Не знаю, как тебе объяснить, но есть предположение, что здесь могут быть захоронены останки.

– Это что, шутка такая?

– Хотелось бы. Но у меня ордер.

Роджер вытащил из кармана бумагу и протянул мне. Я швырнула ее обратно, даже не читая. От абсурдности происходящего голова шла кругом.

– Ты всерьез полагаешь, будто я убила мужа и закопала его в саду?

– Нет, конечно. Но мы обязаны проверить все наводки, даже от психов.

– Роджер, скажи мне, кто звонил? – резко спросила я.

– Не могу.

– Скажи. Я имею право знать.

– Прости, Кэтрин. Нельзя. Я не могу их выдать.

Я замолчала.

– Постой-ка. Ты сказал «их», то есть звонили как минимум дважды... Кто же это мог быть?..

Тут меня осенило, и я зажмурилась, осознав, кому обязана визитом полиции.

– Артур и Ширли, да? Вот я им устрою, будут знать!

После нашей стычки я обещала себе, что не скажу им больше ни слова; сейчас же, в пылу ярости, была готова сделать исключение.

– Нет, не устроишь, – решительно перебил меня Роджер. – Ты останешься дома и дашь нам заняться своим делом. Разумеется, мы ничего не найдем. Но чем быстрее начнем, тем скорей закончим, пока не проснулись дети и не видят соседи вокруг.

Я посмотрела на него с ужасом и отвращением – вдруг он в глубине души тоже готов поверить лживым обвинениям моей так называемой родни? Однако в глазах у Роджера было одно лишь смущение.

– Начинайте! А как закончите, чтобы я вас здесь больше не видела! – выпалила я и ушла.

Измотанная и униженная, я спряталась за шторами в столовой, пока полицейские молча обыскивали сад с гаражом и поднимали наугад плитки в беседке возле пруда.

Они сложили в пакетики образцы пепла из кострища, перетрясли багажник машины, с помощью специальной ленты собрав там волосы, просеяли землю на лужайке перед домом. Но когда они обратили внимание на розовые кусты, которые Саймон посадил для меня в дни самой глубокой депрессии, я уже не вытерпела.

– Вы какого черта творите? – заорала я, выбегая из дома. – Вы хоть представляете, что они для меня значат?

– Землю недавно вскапывали, надо проверить, – ответил безликий человек в униформе. Я выхватила у него лопату и швырнула на другой конец лужайки.

– Потому что этим в саду и занимаются: вскапывают землю и сажают цветы, ясно вам, дебилам?!

Залетев обратно в кухню, я выхватила из холодильника початую бутылку вина, выпила ее почти залпом и швырнула в стену. Оскар испуганно метнулся в коридор.

Детей будить я не стала. Через два с половиной часа полицейские сложили инструменты в багажник, а в дверь снова робко постучал Роджер.

– Мы закончили. Как я и говорил, ничего не нашли. Жаль, что тебе пришлось это вытерпеть.

– Мне тоже жаль, – ответила я и захлопнула перед ним дверь.

14 августа

– Саймон не умер, – сказала я своему отражению в зеркале. – Он жив. Жив.

Всякий раз, когда меня охватывала хотя бы тень сомнений, я повторяла эти слова вслух, снова и снова. Однако с каждой неделей верить в них становилось труднее.

Я в который раз заглянула в шкафчик: все ли там в порядке? Все ли ждет его возвращения? Бритва, крем для бритья, зубная щетка, расческа, ватные палочки и дезодорант стояли на обычном месте. Правда, толку от них не было, как и от меня...

Закрыв шкафчик, я выдавила улыбку, глядя на измученную женщину в стекле. Может, зря я притворяюсь, что он жив, – только дарю детям ложную надежду и тем самым их мучаю? Я давно перестала ощущать присутствие Саймона, хотя интуиция подсказывала, что он где-то рядом, не исчез окончательно. Достаточно ли это основание для веры?

Но какой урок я преподам детям, если откажусь от их отца?

Я просыпалась и засыпала с мыслью о муже и постоянно думала о нем за любыми занятиями. Каждую ночь в постели рассказывала ему о том, как прошел мой день, хоть он и не отвечал. Я верила: где-то там, далеко, он ждет, когда его найдут.

Правда, в этой вере никто меня не поддерживал.

Перемены сперва были незаметны, затем друзья стали вести себя иначе. Никому не хватало смелости высказать сомнения вслух, но всякий раз, когда речь заходила про Саймона, люди заметно мялись. Стивен старался не упоминать его, если только дело не касалось фирмы. Байшали неловко теребила темные кудри на затылке и норовила поменить тему. Даже моя верная и надежная Пола – и та глядела на меня как на последнюю дуру, потому что я отказывалась верить, будто муж ушел к другой.

Пола, сама того не зная, обижала меня сильнее прочих. Ближе нее у меня никого не было, а она отказывалась поддержать мою веру.

Может, люди не виноваты и это я слишком много говорю про Саймона? Но почему я должна молчать? Он мой муж и пропал не по своей вине. Почему никто не хочет этого понять?

В конце концов я их всех возненавидела – они отказывались искать Саймона. Я признавала, что у них своя жизнь, завидовала им, однако их недоверие ранило больнее ножа. Хотелось

послать всех к черту. Тем не менее сама я не справилась бы, поэтому топила боль в красном вине. Оно лучше любого друга понимало, что мне нужно.

Я вела двойную жизнь: одной ногой тонула в зыбучих песках, а другой – отчаянно пыталась нащупать опору.

Семейные обеды превратились в пытку. Я старалась расшевелить детей, обещала им развлечения на грядущие праздники, но, что бы ни говорила, все оказывалось впустую. Каждый вечер мы тихонько сидели, гоняя по тарелке куриные котлеты и стараясь не смотреть на пустующий стул за обеденным столом.

В конце концов я вынесла стул в гараж. Не помогло. Теперь мы таращились на пустое место, где он прежде стоял.

2 сентября

Только восьмилетнему мальчику могла прийти в голову настолько гениальная идея – чтобы в два счета посрамить бестолковую мамашу.

– Смотри, что я сделал, мамочка, – гордо заявил Джеймс, сунув мне в руки листок.

Там был криво нацарапан портрет его отца с обещанием награды тому, кто его найдет, – целых пятьдесят центов из карманных расходов.

У меня упало сердце.

– Можно приклеить на окно, – вежливо подсказал сын.

Мне словно дали пинок, в котором я давно нуждалась.

Спустя три месяца после пропажи Саймона Роджер признал, что расследование зашло в тупик. Прежде я во всем полагалась на полицию, пусть даже они обыскали мой дом сверху донизу и перекопали сад в поисках останков. И когда дети или знакомые спрашивали про новости, я чувствовала себя до ужаса глупой, потому что не знала, что ответить.

Я угодила в порочный круг, жалея себя и заставляя других искать моего мужа. Обижалась, что нет результата.

А Джеймс своим рисунком подсказал, что я сама могу разыскивать Саймона.

У меня открылось второе дыхание. Я позвонила в районную газету и попросила написать про нас. Как только интервью вышло в печать, со мной связались люди с регионального телеканала: они захотели снять про Саймона репортаж.

Я, хоть и не горжусь этим, решила с помощью детей сыграть на чувствах аудитории.

– Помните: мамочка хочет, чтобы люди вас жалели, – проинструктировала я Джеймса и Робби шепотом, чтобы не слышал оператор.

– Зачем? – спросил Робби.

– Кто-то может знать, где находится папа, но никому не говорит. А когда увидит нас по телевизору, то поймет, как сильно мы скучаем, и расскажет. Поэтому, когда нас будут снимать, притворитесь грустными.

– Зачем притворяться? – озадаченно спросил Джеймс. – Мы всегда по нему грустим.

Разумеется, он был прав... Я замолчала, сама не зная, зачем эксплуатирую детей – чтобы помочь нашей семье или пытаясь что-то себе доказать? Не получится ли так, что, выставив их под камеры, я тем самым нанесу им еще одну психологическую травму? Или цель все-таки оправдывает средства?

Правда, выбирать уже не приходилось, и я выпихнула детей в гостиную как были – с вытянутыми от удивления лицами. Все-таки я ужасная мать...

Окрыленная новой волной интереса к нашей истории, я обклеила все близлежащие автобусные остановки и железнодорожные вокзалы, больницы, библиотеки и общественные центры плакатами с портретом и описанием моего мужа. Я сама развозила листовки, отдавая лично в руки – чтобы ни у кого не возникло соблазна выкинуть их в мусорную корзину. Потом разо-

слала три с лишним десятка писем по приютам для бездомных и центрам Армии спасения – вдруг Саймон потерял память и забрел на другой конец страны...

Занявшись делом, я ощутила небывалый подъем сил. Старалась верить в успех. Когда идеи заканчивались, уговаривала себя подождать – скоро будет результат.

После телевизионного репортажа в полицию посыпались звонки, но ни одна из зацепок ни к чему не привела. В лондонском приюте вроде бы видели парня, чем-то похожего на Саймона, но тот в любом случае давно ушел.

В конце сентября все было по-прежнему.

От отчаяния я начала придумывать разные теории, одну нелепее другой, чтобы объяснить пропажу Саймона.

Я просмотрела подшивки газет в библиотеке, чтобы узнать, нет ли на свободе серийного убийцы, которому Саймон мог перейти дорогу. Спросила Роджера, что бывает, когда люди попадают под программу защиты свидетелей. Поговорила с одной милой дамой из МИ-6: хотела узнать, не вел ли Саймон двойную жизнь в качестве шпиона. Вдруг он получил задание на другом конце света? Увы, она ни опровергла моих сомнений, ни подтвердила их. То ли не могла, то ли не хотела.

Днями напролет я читала интервью с людьми, которые утверждали, будто их похитили инопланетяне. Саймон терпеть не мог, когда на медицинском осмотре ему трогают спину, поэтому в редкие минуты самодовольства я представляла его лицо и прищельца, пихающего зонд ему в задницу.

Я даже наведальась к одной подруге матери Пола, у которой якобы были экстрасенсорные способности. Та, нахмурившись, подержала в руках расческу Саймона и его фотографию, закрыла глаза и забормотала:

– Да, дорогая моя, он пребывает в этом мире.

Не успела я с облегчением перевести дух, как она продолжила:

– Чувствую, что он жив и здоров, но где-то далеко. В каких-то песках. Я вижу горы и людей со смешным говором. Он улыбается. И очень счастлив.

Я вылетела от нее, не дослушав и проклиная себя, что трачу деньги на всяких мошенников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.